

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В ДРЕВНЕЙ РУСИ**

УЛЬЯН ГАРНЫЙ

**НИ СЛОВА
ПРАВДЫ**

Ульян Гарный

Ни слова правды

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9002982

Гарный, Ульян. Ни слова правды: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-78152-2

Аннотация

Пить надо меньше!

Эту простую истину молодой москвич Владимир испытал на собственной шкуре. Семидневный загул в компании закадычного друга закончился для Владимира... попаданием в древнерусский город Славен. Едва придя в себя после тяжелого похмелья, Владимир сразу окунулся в вихрь головокружительных приключений. Тем более, как выяснилось, он очень неплох в кулачном бою. По крайней мере, славенский воевода Осетр оценил это умение по достоинству. Странному пришельцу из нашего мира не хватало лишь некоторых боевых навыков. А овладеть ими пришлось буквально на ходу. Ведь на город Славен неумолимо надвигалось войско мрассу – беспощадных степняков из далекой Шории...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	50
Глава 7	64
Глава 8	78
Глава 9	101
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ульян Гарный

Ни слова правды

*Посвящается тому, кто в «Трюме» сказал мне:
«Не ленись!»*

© Гарный У., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Введение перорально

Когда человек рождается, он кричит, а если он не захочет – дают шлепка. Если вы берете книжку для того, чтобы узнать истину, то выберите другую. Это про человека, который умеет только исказить. Правды в его словах нет совсем. Но впрочем, по порядку.

Рукопись, естественно, попала к автору при загадочных и странных обстоятельствах, про которые и говорить-то нельзя: подписка дадена, сами знаете кому. Естественно, сказать кому и вовсе невозможно – обещают кому.

Еще более правильным, как представляется автору, следует всенепременно откреститься от всей этой чуши, ибо мало ли что. Не дай бог подумают, что сам написал – и как же тогда?

А впрочем, чего цитаты скрывать: назад, писатель! (Булгак Михайлов).

Рукопись: вначале пятно, не разобрать ни буквы ... и тогда человек понимает, что главное – это химия. Да, химия процессов: посмотрел на человеческую самку или самца – гормон выделился: любовь или ненависть, а когда нет ни того ни другого – скука или трансцендентное счастье, то есть безобъектное.

А самое главное, когда алкоголь – вот процесс процессов. Ведь простая вещь, даже йеху в стране гуингмов¹ додумались: брожение веществ и – ввод перорально. А каков эффект: вся русская литература и философия. От оно как, а мужики-то не знают, пьют горькую и получают нирвану после третьего стакана, не сидят, на пуп не смотрят по двадцать лет. И в процессе приема, и до него: предвкушение простого человеческого счастья и переживание его. Море общения непосредственно полевого: из мозга в мозг, имплантация чувств, если хотите. А эффект всеобщего массового изменения сознания: кто свадьбы возил, тот знает, даже трезвого за рулем забирает, а если за столом посидишь, точно огурчика попросишь.

Если, совсем глубоко, нахимичится: ну там после поллитры или как кому, здесь такое демиургичество поперет – не остановишь. Творишь вселенные одну за другой, пока петь не начнешь.

Есть, конечно, и побочка², как без нее, летал в космос – плати: закон кармана (это если с санскрита перевести). Утро – вот и расплата. Организм пить хочет: алкоголь в химии тела за насыщение клетки водой отвечает, а когда ты его извне натолкал, то свой естественный алкоголь отказывается работать: спасение – пиво. Здесь, как ты знаешь, важно грань не перейти, а то в «день сурка» попадешь. Сам по себе этот

¹ Джонатан Свифт. «Путешествие Гулливера».

² Побочка – побочный эффект (*жарг.*).

бесконечный день блистает собственной суровой красотой: ты как лосось – поднимаешься против течения жизни, чтобы в верховьях реки трахнуть и умереть. Существенное отличие: тебе только кажется, что ты плывешь, на самом деле – стоишь на месте. И кто-то в черном капюшоне, видны во тьме лишь красные глаза, внимательно глядит, как тает твое тело, в потоке исчезая навсегда. Он знает: скоро наша встреча, узнаешь ты, в чем жизни суть. И с лязгом хоровод несется, и бла-бла-бла – придешь куда-нибудь. Вот этого красноглазого узреть можно после жесточайшего «дня сурка».

А чем отличается химический «день сурка» от простого? Ответ – ничем. Вот снимок дня почти любого, я сам ОТИЗ³ и ОТК⁴. Глаза открыл – пошел, накопил капустки на хлеб насущный, если богатый – на день грядущий или потомкам на молочишко. Устал, пошел домой, в кабак, в театр – не важно, релакс схватил, потом сон. Хорошо, если с отпрысками пообщаться успел.

А если что-то изменилось: бомжи у метро подрались, к примеру, – это тебе красноглазый привет посылает, моментом в море, а то ведь монотонию⁵ схватишь или очень быстро поймешь, что «день сурка» все время.

Ну это я щас глоблю, а если все же вернуться к хими-

³ ОТИЗ – отдел труда и заработной платы.

⁴ ОТК – отдел трудового контроля.

⁵ Монотония – нервное заболевание, при котором человек под действием постоянно повторяющихся звуков или событий засыпает.

ческому «дню сурка», давайте назовем его «сюр», чтобы ка-
вычками текст не пачкать, а лучше командировкой, в пику
космополитам безродным (здесь снова неразборчиво, лист
забрызган чем-то, вроде желтой кашицы) ... вообще-то про-
сто запой, хотя кто должен запеть – неясно.

Вот щас все подумают, а очень даже ясно: кто пьет, тот
и запоет. Нет, дорогие мои, ничего не ясно. Когда человек
поет, то, может, это просто желудок производит энергетиче-
ское очищение, так китайцы говорят, если им верить – поет
желудок. Но чего же им верить товарям косорырым⁶ (далее
неразборчиво). Или как русские говорят – поет душа. Согла-
ситесь, что и желудок, и душа – это части того, кто поет, и
не более того. Тогда правильнее говорить, что поет рот, ко-
торый же и пьет. Такая фигня, малятки⁷.

Ну это все пурга, главное, есно история, а не философия.
Хотя здесь со мной могут не согласиться всякие зануды, со
ссылками на бог весть какие авторитеты, но эдак мы до дела
никогда не доберемся.

А дело было так. Мы с Витькой были в командировке, уже
довольно длительной, затяжной, можно сказать. Причем на-
чали мы ее, как водится, в кабаке, переехали в баню, из бани
– по патриоткам, то есть по бесплатным невестам. От бес-
платных к платным, закончили тоже традиционно: на Вить-
киной кухне, с пельменями и заветренной кетой, тещей су-

⁶ Б. Акунин.

⁷ Малятки – малыши (укр.).

рового лосося (не путать с тешей). Это было путешествие не от виски или, там, джина к водке – нет. Это было путешествие от водки с пивом к пиву с водкой. Жесткое, в общем, погружение – то у меня, то у Витьки даже кессонка⁸ случалась с рвотой и обмороками. Надо ли знающим людям объяснять, что накануне мы подкосили капустки – а то как же. Как зеленомордый⁹ говорил: не допустят на банкет, когда в кармане баксов нет. Также и пункты командировки ясны: по мере того как таяла капуста и силы, нас гнуло к земле неумолимое притяжение.

Так, на седьмой день, коллеги содрогнитесь, мы сидели и, типа, похмелялись, хотя, если по-честному, просто пили, потому что боялись из командировки приехать. После такого погружения резко всплыть – смерть. И тут полный уроборос (ну кто Пелевина не читал – это змей, который себя за хвост кусает, символ сюрра или командировки). Чем длительней командировка, тем страшней всплывать: кислородное голодание взорвет мозг, а нервы за веселье накажут суровой депрессией. Хотя назвать такого уробороса надо мухослон или вечнокайф, по старому анекдоту про слона и муху. Слон говорит мухе: пролети мне насквозь из хобота через жопу. Муха пролетела, слон сказал: «Кайф». Слон ее снова просит, муха говорит: «Ну ладно, только в последний раз».

⁸ Кессонка – кессонная болезнь. Случается у водолазов и моряков-подводников при резком всплытии (погружении).

⁹ Зеленомордый – «Маска» в исполнении Джима Керри.

Слон подставляет хобот к жопе и говорит: «Вечный кайф». Если кто считает, что сравнение не очень – типа, слону же хорошо, – рекомендую таким товарищам попробовать муху из носа в рот протащить или нос к собственной жопе подтащить и сравнить ощущения с понятием хорошо.

В общем, сидели мы с Витей, два мухослона, на кухне и молчали: за семь дней все слова сказаны, а впереди неизбежное всплытие – к красноглазому еще рановато, хотя огоньки уже и днем были нехило видны.

И тут тырсь: огоньки придвинулись, и стало мне темно, ну так темно, даже не как в пещере: там просто света нет, а здесь тьма изначальная, в ней свету места нет, и бормотание: «... прецессии равноденствий предшествует полная темнота в течение нескольких дней... при застывании лавы вначале твердеют металлы, и их движение указывает на расположение магнитных полюсов на момент кристаллизации...»

Глава 2

Славен будь, синий путь

А потом бац – вроде свет резкий как от хирургической лампы и вроде как лучше мне стало, чувствую только: фарш точно метну¹⁰. Только опереться бы обо что или хоть на бок лечь. Повернулся, а ведь я на траве лежу. Парк, что ли, какой. Получше вроде стало – отлегло. Так все ничо, только трава зеленая, а с Витькой мы на кухне были в ноябре, причем живем не на юге, потому очень часто смотрим на вьюги. Конечно, приходилось слышать фразу типа: сели Новый год отмечать, встали из-за стола: за окном – весна; но я думал это так, скорее о быстротечности бытия, а вот гляди ты.

Ну думаю, Вован, все бывает в первый раз, хоть ты и не Вечный жид, а вставать и идти надо. Поднялся, огляделся: место незнакомое, но признаки разгара лета налицо: бабочки, цветочки – идиллия, а главное, атмосфера – в воздухе разлито могучее ощущение отсутствия холода, и кажется, что это навсегда. Я внезапно понял, почему люди покупают теплую одежду, только когда белые мухи начинают летать, – им не хочется верить, что наступит зима. Так же и коммунальщики, просто им веры не хватает, а не предусмотрительности. Все вокруг их критикуют, дескать, они же знают, что

¹⁰ Метать фарш – блевать (*жарг.*).

зима придет, а чинить все подряд и к зиме готовиться, зимой и начинают. Они просто среди тепла и красоты не верят в зиму – и точка. А то, что деньги украли и перед лицом неумолимой зимы надеются на субсидии из бюджета, – вранье. Это все не про них, у коммунальщиков просто ежегодное обострение кризиса веры – вот так.

А вот что Христа две тысячи лет назад распяли, а он потом воскрес через три дня, тоже все знают, но не все верят – то-то. Но вернемся к бабочкам, им-то чо – порхают, и хорошо им. Народу вокруг ни души. Вот, кстати, интересно, почему не говорят: вокруг ни тела. Да потому, что все же верующие мы, вот почему. Пусто, но в парке этом, довольно заросшем, есть тропинки, и где-то журчит вода, а вода, как объяснялось выше, человеку, только что из командировки прибывшему, просто необходима. Иду по тропинке на звук воды, смотрю – не поверите, – мишка пьет из ручья, да самый обычный мишка, только медвежонок, наверное, – маленький какой-то, с овчарку размером. Я в ладоши хлопнул и тут же подумал: дурак ты, щас мамаша прибежит. Но обошлось, посмотрел на меня мишка с недоверием, и – наутек. Присел я возле ручья, пью и пить хочется, вода холодными шариками внутрь катится – красота. Только тут как будто воду перекрыли: был ручей – стал ручеек, после и вовсе – струйка. Поднялся я да потопал, вода в брюхе булькает, пить все равно хочется – жара, одно счастье – комаров нет. Шаг за шагом – опушка, там дорожка к селению, что-то вроде крем-

ля белокаменного – Суздаль, что ли.

Ну, думаю, занесло. Иду насвистываю, по карманам роюсь – чего с деньгами выяснить. Денег нету ни копейки, а одежда на мне странная: порты холщовые, косоворотка. А главное – борода, длинная, окладистая, темно-рыжая, так что я, если что, брюнет. Понял я, что ничего не понял, но некоторые и этого не поняли.¹¹ И тут что-то у меня с перспективой произошло: вот стали стены каменные и дома увеличиваться, а потом опять уменьшаться, а иду ведь, не останавливаюсь. Потом понял, когда поближе подошел, что это детский городок: домишки мне по грудь, стена чуть выше головы. Потом собаки выкатились – и под ноги, болонки мохнатые мелкие, укусят – что щипнут. Хотя, если по-честному, собак я боюсь, а они меня не любят: всегда на меня лают.

Но эти уж больно мелкие, иду, внимания не обращаю, потом гляжу: карлик смотрит на меня, голову задрал и орет:
– Погляди, какой мужик здоровый!

Ну думаю, тоже мне Бред Питт¹² выискался, хотя росту во мне два метра ровно, Витька, тот чуть повыше будет. Мы когда с ним по улице идем, толпы на голову выше.

А потом у меня прозрение случилось – это не карлик: мужик взрослый смотрит на меня, голову закинул, а росту во мне не два, а все шесть метров.

¹¹ Перефразированное известное выражение Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю, но другие и этого не знают».

¹² Слова Микки из фильма «Большой куш» Г. Ричи.

И тут я понял: допился я – это бред. А в бреду все можно: подхватил я крышу дома – как пушинка отлетела – и на часовню нахлобучил: от я каков. Тут вокруг крик – шум, народишко набежал, – смотрю местные милиционеры поспешают с копьями. Ну, думаю, щас пойдет потеха, возьму за ручку и закину за тучку¹³. Как тут опять чего-то с миром сделалось, и стал я стремительно уменьшаться, упс – и я опять чуть выше остальных людей, только мало того, что в балахоне холщовом путаюсь, еще и вода из меня как из брандспойта хлещет во все стороны, жаль, пожара нет, а то бы залил.

Тут старшой из местной стражи и спрашивает:

– Ты чего, добрый молодец, паскудишь как басурман Тавазский? Вроде наших кровей, а ведешь себя как собака Каджикская или, того хуже, Мрассовец или Чих какой.

И тут вот честно, стыдно мне стало, и даже очень, вот вроде вокруг сон, а ведь свои же это.

Ну то, что они свои, они мне сразу и дали понять: заломили руки и давай бока древками копий охаживать, а старшой руками всюю доказывать, что свой просто в доску.

Ну, я первое время терпел, власть все-таки, хоть и бредовая, а потом и делать ничего не мог: они меня балахоном скрутили и веревками, потянули куда-то: ну, знамо дело, на разбор.

Только в процессе воспитания мне стало очень больно, и понял я, что если это бред, то я его воспринимаю как дей-

¹³ Слова мишки из фильма «Варвара-краса, длинная коса» А. Роу.

ствительность, и надо его воспринимать так, и воспринимать до выяснения: ни больше ни меньше.

А в отношениях с властью главное – покорность. Я жалобно так, самого чуть на слезу не пробило, говорю:

– Ребята, я сам пойду, не волоките, а.

Старшой обернулся, сбавил шаг и буркнул что-то вроде:

– Оклемался, дурилка.

Бодро тащившие меня стражи порядка тащить стали по-тише, я даже смог ногами перебирать. Так мы до кремля дотопали, через открытые ворота внутрь вошли и к самому большому каменному дому, тоже со стеной, направились. Мне припомнилось: детинец вроде это называется.

– Что, ребята, к князю, на правило?

Старшой оглянулся, посмотрел прямо в глаза и сказал:

– Не велика птица – к князю, воевода решит, а на правило¹⁴ отправишься, когда в светлице княгини застанут, за непотребством.

Стражи заготовали, и понял я, что язык на привязи держать надо, пока не разберусь, какое слово что означает, семантика, мать их ети. Еще подумалось, что «непотребство» – слово неудачное для того, что они хотели им определить, коитус – вещь, скорее относящаяся к естественным потребностям, просто если нарушаешь какие-то правила при этом, то можешь отправиться на правило. Вернее было бы назвать это незаконством или нарушением. Но впрочем, где вы ви-

¹⁴ Правило – в данном случае кол.

дели стражей, которые объясняются на чистом литературном языке и знают слово «семантика».

Прошли мы в детинец, и я поймал себя на этой мысли. Вот ведь надо же – «мы». Я и люди, которые меня избili, волокут с неясными мотивами и, возможно, вообще убьют. И при этом, непостижимым образом, мы – общность.

И в этом было нечто настолько глубоко христианское, что я почувствовал готовность жертвовать во имя чего-то чистого и светлого. И эти чувства настолько захватили меня, что я испытал острую необходимость перекреститься. И тут веревки затрещали, и я снова вошел в старый (или новый) размер. Стражи смотрели на меня, разинув рот. А старшой заорал:

– Самострелы к бою!

Вот тут, как в мультике про Шрэка¹⁵, на стенах, откуда ни возьмись, должны были появиться арбалетчики и напугать супостата до усеру. Но здесь надо понимать, что стрелки на стенах были наши ребяташки, не какие-нибудь, прости господи, англосаксы, а самые что ни на есть от сохи. Поэтому на бравую команду отозвался только один самострельщик: вылез из-за зубца стены с заспанной мордой и вопросом «Чего орешь?». Увидев, что происходит, исчез, распространяя вокруг неприятный запах и удаляющийся звук топота босых пяток.

¹⁵ Шрэк – голливудский зеленомордый урод. Что у них там другого цвета не бывает? Или это реклама валюты?

Старшой не растерялся, давай командовать:

– Ко мне. В линию.

Все три стражника встали перед ним и выставили копья, что выглядело угрожающе, особенно если учитывать, что я стоял перед ними в одной рубашке, без порток. Хорошо, что рубашка была длинная, а то бы я чувствовал себя абсолютно беззащитным.

Но с высоты моего роста они все равно казались мне немного ненастоящими, как солдатики из детского набора.

Вот тут мне вспомнилось недавнее мое состояние общей с ними судьбы, и я устыдился:

– Вы это, того, ребятки, не подумайте плохого, я, это, осознал.

Старшой посмотрел на меня с недоверием, спросил по существу:

– Готов следовать?

И только я собрался согласиться, как услышал громогласный окрик:

– Стоять!!!

Вот сейчас все было четко: по стенам стрелки, на проходе закованный в железо квадрат пехотинцев длинными копьями ошетинился, что твой дикобраз, на улице вооруженные всадники замелькали. А главное, поверх этой суеты и во главе стояли двое богатырей (вот правильное слово) одного со мной роста, а может, и повыше, с ног до головы – в броне.

– Ты чего, Прошка, в кандалы его не засунул?! – рыкнул

один из них так, что в ушах зазвенело, и сразу стало ясно, что «стоять» тоже он исполнял.

Крикун был в годах, седой, но видно еще о-го-го, про таких говорят: поперек себя шире. Второй молодой: лицо безусое, смотрел без улыбки, но видно по глазам, что сдерживается. Когда мы взглядами встретились, подмигнул слегка: мол, не дрейфь.

У седого щита не было, но меч на поясе, и булава с руки свисает на ремешке. Молодой со щитом, копьем, на боку сабля. Ну в целом понятно, чем дело пахнет, когда против тебя вот так, а ты в одной холщовой рубахе и без порток.

Плетью обуха не перешибешь, волк медведя не задерет, с сильным не борись, с богатым не судись и прочая лабуда, которой неудачники себя успокаивают, да и раньше я не особо хорохорился, но шалишь! – вот тут, надо полагать, бес меня и попутал, откуда он взялся только, хвостатое чудовище, на святой земле русской, не иначе из чьей-то командировки сбежал.

– Мертвые сраму не имут! – вдруг завопил я страшным голосом и кинулся на все это воинство, откуда только клич этот вывернулся, не иначе из самых глубин загадочной русской души.

Надо сказать, что когда ты большой и сильный, то маленьким и слабым всегда не везет.

Я за копыта хватать – опа! – и они у меня в пригоршне, как траву рвешь, некоторые с корешками-пехотинцами, и по сте-

нам этим пучком – на, держи, самострельщики за стеной спрятались, но в грудь пару раз кольнуло, и в ногу – раз, видать, разрядиться все-таки успели.

Тут старый снова голос подал:

– Не стрелять – Лех!

Молодой бросил копьё и щит на землю, шлем снял и кольчужные перчатки. Навстречу мне шагнул, поклонился. Ну я тоже – копьё наземь, кой-где с их хозяевами. Шагнул вперед и тоже кланяться. Только витязь ждать, когда я поклонюсь, не стал, распрямился и справа, сбоку «по-деревенски» как даст. Только я его тоже удивил маленько, есть навыки какие-никакие.

Я еще ниже на ногах просел, и такую же оплеуху слева ему – на, держи! – прямо в правое ухо. Он, видать, такой прыти не ожидал от меня, провалился вслед за рукой, но тоже парень не лыком шит: плечом ухо закрыть успел, но на ногах не удержался, на стену крепостную оперся, только зубья каменные – какие во двор, какие наружу – посыпались.

– А ну хорош!!! – громыхнул все тот же бас.

Седой копьё молодого с земли поднял и в мою сторону наставил: сдавайся, мол, и столько в его позе было уверенности и силы, что я понял: если даже я в землю заруюсь до самого центра, копьё это все равно меня поразит.

А молодой сзади меня руками обхватил – держит. Я его затылком боднуть хотел, да тут свет и погас.

И темень эта как в прошлый раз, и снова голос этот: «И

под Сфинксом с целой мордой находится космический корабль, который представляет из себя прибор по усилению психических и творческих способностей. Если в него заходит избранный или бессмертный, он взлетает и садит корабль на вершину пирамиды Хеопса, то временно получает некоторые способности Планетарного Логоса, и нет для него ничего невозможного, все происходит по мысли его. Корабль этот является, по сути, оружием, и последний раз был использован женщиной из Белоруссии для нейтрализации вторжения мистера Серого¹⁶. Женщина эта, в возрасте двадцати пяти лет, смогла включить корабль, водрузила его на пирамиду и помыслила о том, что все инопланетяне, прибывая на Землю, страдают неизлечимым поносом и хотят вернуться домой. Мистер Серый и его сотоварищи использовали все мыслимые и немыслимые способы борьбы с недугом, в том числе прятались в телах землян, но и оттуда их выдавливали жидкие каловые массы. Тогда мистер Серый и его соплеменники Землю покинули, но теперь другие безвредные и дружественные гости с иных планет на Земле надолго не задерживаются, что не может не оказывать негативного влияния на развитие...»

¹⁶ Мистер Серый – мистер Грей из «Ловца снов» Стивена Кинга. Вот она истинная причина спасения Земли, а вовсе не гомосексуальный акт мистера Грея с мистером Дадицом.

Глава 3

На Москве-реке городок стоит, а на улицах – окольные

И снова кухня, и снова Витька, только Витька отрубился и дрыхнет в кресле напротив, я, видать, тоже спал – головой на столе, судя по лужице слюны на клеенке.

Сон уж больно интересный, прямо очень даже. Прямо как не сон. Я б еще поспал, только – ни в одном глазу, прям бодряк бодряцкий. Витьку трогать не стал, судя по лицу, надолго он в ауте, кстати, в ауте не обязательно что за полем, может, он в поле как раз, вот как я щас был незнамо где, но в игре несомненно. Опять же понятие есть: аутентичность, то есть исходящая из первоисточника, соответствующая подлиннику.

Получается, когда человек в ауте, значит, он соответствует своему первоисточнику, тому самому образу и подобию, который Аз есмь. Здесь я на секунду получил вроде бы как паузу или, наоборот, сигнал, и вот-вот произойти что-то должно было, но через секунду это ощущение пропало, и мне захотелось пить и есть, словно мне и правда желудок промыли.

Пошарил, в холодильнике пусто, пиво кончилось, водки – едва-едва на доньшке, в общем грустная картина, типа, если

нету денег – привяжите к попе веник. Посмотрел я там-сям – наскреб маленько монеток, на пакетик спасения должно хватить.

Ну что, хошь – не хошь, надо вылазку готовить, под лезачий камень портвейн не подтекает. Глянул в зеркало – да вид такой, мягко скажем, поюзанный, пробежный такой видок, по России и СНГ. Мне б побриться-помыться, да чо-то лень. Да и жрать охота, и выпить было бы неплохо. Русский авось – страшная сила, положился на него – и вперед, хоть и мелькнула мысль, что-то из сна, про стражу, но была сметена животным стремлением жрать.

На улице был ветер и морозящий дождик, идти до ларьков – минут шесть. Многие называют такую погоду противной, всякие слова используют с неприятным послевкусием: слякоть, морось, мокрень и т. д.

А по-моему, в самый раз, не особо холодно, сыро, как на море в бархатный сезон. «Ты родилась в синем бархате...» Да...

Надо ли объяснять, что ощущения почти теплой погоды, в ноябре, чисто субъективные, ведь внутри субъекта кровь давит с такой страшной силой, что одним только трением способна не только согреть, но и сырую одежду высушить, куда там тибетцам с их мокрыми простынями¹⁷.

¹⁷ У тибетских монахов есть такое упражнение: сидя на льду замерзшего озера, они разогревают энергией свои тела и сушат простыни, отполосканные в проруби.

В ларьке народу не было, продавщице явно охота было поболтать, но мне было не до общения. Я купил литровую бутылку водки, три литра разливного пива, банку красной икры, воблы, камбалы, кильки в томате, соленых огурцов, чипсов, соленых орешков, пару лотков быстро завариваемой лапши, сухого картофельного пюре и фиников (люблю сладкое). Ну вот пакет спасения готов, можно в обратный путь.

Когда я вышел на улицу, почувствовал кожей лица (или лицом?) свежий сырой воздух.

Здесь следует разобраться: если кожа сигнализирует мозгу о состоянии воздуха и мозг оценивает, что в связи с этим предпринимать, и затем он же принимает решение, не без участия личности, которая нематериальна и не может считаться органом тела, а относится к области психиатрии.

Получается внешний орган, в данном случае кожа, сигнализирует внутреннему органу – мозгу, мозг сигнализирует личности, которая не является органом, но именно она и принимает решение. Выходит, по аналогии с компьютером, тело – это железо, личность – софт¹⁸, а взаимодействие с внешней средой – Интернет.

Хотя Интернет – это у личностей, с легкостью пересекающих моря, океаны и границы: президентов, премьер-министров, прохоровичей и абрамовых, других людей Мира. А у нас – Рунет, Турция с Египтом – не в счет, а кто в деревне

¹⁸ Софт – программное обеспечение.

живет – и вовсе локалка¹⁹.

И снова у меня появилось чувство, что вот-вот и ясность появится, и пойму я что-то важное, необходимое.

Но тут в пакете успокаивающе брякнуло, в другой руке обнадеживающе хлюпнуло – захотелось выпить. Как мыслью – так и делом: завернул в скверик, сел на скамейку, отхлебнул водочки, надолго припал к пластмассовому жбанчику с пивком, хрустнул огурцом, прошуршал чипсами, оторвал у воблы плавник.

Стало хорошо, прям тут бы и остался, что ни говори: на кухне, у Витьки, душновато. А тут хоть и скамейка мокрая – я пакетик подложил, хоть и моросит, все равно – свежо и приятно, прямо Себастьяном Пирейрой²⁰ себя чувствуешь, только брезентовой шляпы не хватает.

Припал я снова к живительному роднику: бутылочка – жбанчик, буль, хрусть, мац, чмок – Аллиии-луйяая!

Захотелось про Рунет и т. д. снова помыслить. И тут Рунет сам пришел ко мне в виде все тех же стражей порядка, только уже местного разлива: без копий и кольчуг – зато с резиновыми палками, с прыщами и скукой на лицах.

Сложения патрульные были отнюдь не богатырского – трое совершеннолетних доходяг в бушлатах не по размеру.

¹⁹ Локалка – локальная сеть компьютеров, а не чрезмерное лакание водки или самогона.

²⁰ Себастьян Пирейра – негодяй и пират Негоро из «Пятнадцатилетнего капитана» Ж. Верна.

Материализовались они из вечернего тумана, как мне показалось, с легким шипением.

Из уважения к читателю я не стану приводить полностью нашу беседу, скажу только, что добрые отношения между нами как-то сразу не заладились и сами собой свелись к выяснению нехитрых истин и отстаиванию сторонами определенных принципов существования.

Причем вышеупомянутые стороны не проявили должной гибкости и толерантности и свели диспут к банальной драке, которая окончилась вызовом подкрепления и применением специальных средств (наручники). Без ложной скромности скажу, что надеть на меня эти самые специальные средства милиционеры смогли только отрядом из двадцати человек ²¹, и то только потому, что применили перцовый газ, а у меня на него аллергия: из носа течет и глаза слезятся.

Произошел небольшой обмен любезностями, с моей стороны выраженных во фразах, далеких от перлов русской словесности, но достаточно живописно изображающих происхождение моих визави, их сексуальные предпочтения и биологические особенности; с их – матерной невнятицей, совершенно лишённой, на мой взгляд, фантазии и чувства меры.

Ессно, что закончилось все клеткой, которую люди назы-

²¹ Здесь уже следует вмешаться: согласно милицейскому протоколу от 14 ноября 2010 года за номером 1789, «на место происшествия прибыло четыре экипажа». То есть не более шестнадцати человек, если считать еще милиционеров срочной службы, которые и вызвали подкрепление, всего – 19 человек. Вот так – ври, да не завирайся. Кроме того, о применении газа в протоколе – ни слова.

вают «обезьянником» или «задержкой» в зависимости от того, какую социальную нишу занимают и есть ли на этой нише решетка.

Не знаю, стоит ли описывать хамство власти предержавшей или вонь, исходящую от «товарищей по несчастью», – кто сталкивался с машиной правосудия, может и сам живописать все эти прелести, присовокупляя услышанное от других, а то и вовсе – выдуманное. Для тех, кто не сталкивался, настоятельно не рекомендую, поверьте на слово – ничего хорошего там нет, всячески старайтесь избегать подобного опыта. Скажу лишь, что после трудного дня я рухнул на нары, по-местному «шконка», и заснул.

Глава 4

Что здесь, что там – везде бедлам

Когда я «здесь» глаза закрыл, а «там» открыл и увидел лицо молодого богатыря, я даже не особенно удивился: ну сменилась одна буффонада другой и что теперь – попу на британский флаг себе разорвать или на немецкий крест, кому как нравится. Да будет так.

Парень, увидев, что я очнулся, обрадовался, заулыбался, но ни слова не сказал.

Неподалеку был слышен знакомый бас:

– Ты, Прохор, на жопе не елозь, отвечай как есть, ишь ловкий какой выискался, как греков сын, словами играть. Чего тебе насчет громил сказано было: ковать до выяснения. А ты чего – не видишь, не из нашего канона этот, хоть и русский, слава богу...

Тут он обратил внимание на меня и надвинулся откуда-то сбоку – огромный, сердитый, но тон сменил:

– Живой? Повезло тебе, тут наши с перепугу маленько того... переборщили. Единорогом тебя огладили... А на Леха не пялься, немец²² он у нас, не разговаривает. Самого-то как величают?

Вообще-то зовут меня, как можно догадаться, Владимир,

²² Немец – немой (*русск.*)

и фамилия имеется очень даже звучная, но показались мне мои имена в местном антураже неуместными. Опять же разрядить ситуацию захотелось, хотя шутка, признаю, – так себе.

– А зовут меня Василь Трымай²³ Лоха.

– Васька Тримайло? – на русский манер игнорируя «ы» и на английский – «х», переспросил старый богатырь. – Не слышал... Видать, недавно у нас... Православный?

Мне захотелось вскочить, вытянуться и гаркнуть: «Так точно!!!» Но старый, видимо, по глазам понял мои намерения, рукой удержал, но глазами потеплел: понравилось ему.

– Лежи не дергайся, завтра встанешь, не раньше. Меня зовут дядька Осетр, а по крещению – Георгий. Воевода я здесь. Пошли, Лех, пусть отдохнет.

Оба вышли, я полежал и ощупал голову: голова была обрита, на макушке – огромная шишка, на верхушке шишки кровавый струп. Странно, но голова не болела абсолютно, и такое ощущение было, что я слегка выпивший.

В комнату вошла молодая девушка, почти девочка, хотя точно сказать трудно, поскольку она была росту самого обычного, девичьего.

Когда она поворачивалась из стороны в сторону, из-за спины показывалась длинная и толстая рыжая коса. Но лицо было чистое, без конопушек, не то чтобы красивое, но очень доброе и милое, голубые глаза светились интересом. Девуш-

²³ Трымай – держи (укр.)

ка была в домотканой рубаше и синем сарафане, я прямо залюбовался, такая она была естественная и привлекательная в этой простой русской одежде. В руках она держала большой ковш с темной жидкостью.

Подошла ко мне, вопросительно посмотрела в глаза, протянула ковш. Я его взял, попробовал – квас, да вкусный такой. Я одним глотком ведерный ковш выпил, девушка глаза округлила, но молчит. Я тогда сам заговорил:

– Здравствуй, красавица!

– И ты здравствуй, добрый молодец!

Тут до меня и дошло, что нельзя ей первой заговаривать – не принято.

Поболтали о том о сем: ты как, да я – в порядке. Такой разговор мозг не напрягает, можно посмотреть на собеседника, а на эту девушку я бы все смотрел и смотрел. И имя такое необычное – Заря.

Всегда мне нравились блондинки, опять же джентльмены их предпочитают, а вот поди ж ты, рыжая, а такая прелесть. Хотя речь тут даже не о прельщении или соблазнении. С такими девушками хочется просто быть, защищать их и заботиться о них. Если без лишних слов, то я влюбился. Без памяти. Да, все, что было до этого, лишь слабое подобие чувства, которое захватило меня без остатка в эти мгновения. Я только теперь понял, что итальянцы называют «ударом грома».

Я пытался острить, но получалась всякая чушь типа: кто

в армии служил, тот в цирке не смеется. Девушка по тону, конечно, понимала, что я шучу, и виновато улыбалась: не понимаю, дескать, но все равно молодец. Когда она вышла, я испытал двоякое чувство: облегчение, что вот она ушла и валять изо всех сил дурака больше не надо, и огорчение, оттого что не вижу ее.

Денек я отлежался, все это время Заря ухаживала за мной, только чушь я больше не нес, тупо молчал и потел, вел себя как восьмиклассник, но ничего поделывать с собой не мог.

Повреждения у меня были не смертельные: три дырки от стрел, две в груди, одна на бедре, да шишка на голове от выстрела из пушки-полковушки с громким названием «единорог». Штаны мне новые Лех притащил и лапти: все по размеру.

На второй день начал вставать, прошелся по детинцу, везде суета, народец снует – видно, все при деле.

Зашел к пушкарю: здоровенному для обычного человека (я уже начал различать) хохлу, в расписной рубахе, в красных шароварах, с оселедцем²⁴, хоть сейчас на картинку, правда, без серьги в ухе, видно, что сестры-братья у него есть²⁵.

²⁴ Оселедец – клок волос на лысой башке, за которую хохлы и получили свою кличку. Кацап (если кто не знает) – ответная погремуха русских за бороду, как цап (козел).

²⁵ Серьгу в левом ухе носили единственные сыновья в семье, если у них были сестры. Единственный ребенок в семье носил серьги в обоих ушах. Это чтобы при выборе казаков на опасное задание, сразу ясно было – нет серег, значит,

– Здорово! Как жизнь? – поприветствовал я стрелка.

– И ты здравствуй! А так и здоровее видали, и то не убе-
гали! – пошутил в ответ хохол.

– Спасибо за точный выстрел!

– Да не за что, я промахнулся.

Поболтали за семечками²⁶, имя свое он мне не сказал, в Хохляндии в розыске, потому и в Россию сбежал. Чего на-
творил, рассказывать не захотел, я особо и не спрашивал. За-
хочет, сам расскажет. Кличка у него Кудло, главным пушка-
рем у князя Всеволода числится. Показал мне свой арсенал,
я чуть не расхохотался: два единорога, мортира и неболь-
шая пушка для стрельбы каменной картечью – тюфяк. Я ему
немало рассказал про артиллерию своего мира: про нарезной
ствол, про снаряды и капсулы, про патроны.

Кудло был в полном восторге. Он даже дар связной речи
утратил: только ойкал да айкал. Притащил мне какой-то пер-
гамент, попросил нарисовать. Я, конечно, чем смог помог,
только чертежник из меня тот еще. Но, надо сказать, Кудло
все понял, пожал мне руку и побежал в сторону кузни. Кста-
ти, слово «артиллерия» произошло от английского «лучник»
– арчер.

Поболтался еще по двору, занятия себе не нашел и дви-
нул к дому, там меня ждал обед. После обеда, как водит-
ся, заснул, с некоторой опаской. Но заснул без сюрпризов,

братья-сестры есть. При команде – равняйся – сразу видно.

²⁶ Поболтать за семечками – несерьезный разговор (*жарг.*).

проснулся как человек.

Так прошло еще два дня, бродил, болтал с местными. Кудло из кузни почти не выходил, с энтузиазмом колотил по багровому железу, что-то там мастерил.

На третий день ко мне зашли Осетр с Лехом, попросили пойти с ними. Пришли на майдан, и Осетр предложил с Лехом на кулачках потягаться: ну ясно – проверочка.

Лех особых ухищрений не использовал, шел вперед, нанося размашистые удары руками то слева, то справа, то снизу, ногой норовил пнуть в голень. Бокса он не знал, но когда промахивался, то раздавался звук, как будто розгой машут – вжик, вжик. А если я принимал удар на предплечье или плечо, все тело сотрясалось, и если бы не развитое за годы тренировок чувство равновесия, я бы наверняка оступился или упал.

Он очень быстро понял, как я нырком вниз ухожу от его бокового удара, и перестал проваливаться, да еще сразу стал бить другой рукой снизу. Я начал пыхтеть и задыхаться (все же пьянки и излишняя жратва не приводят в хорошую физическую форму). Я встретил его пару раз в корпус, в солнечное и в печень. Правда, результата особого это не возымело, Лех хоть и снял броню, но как будто сделан был из железа, только крякнул в ответ и стал бить чаще и быстрее, изнуряя меня. Я отвечал короткими прямыми и боковыми ударами, но в челюсть или в нос попасть не мог.

Удары мои, если и проходили, то вскользь, он мне в голову

тоже ни разу не попал. Но ситуация в целом была угрожающей. Я ощущал, что устаю. Пот стал заливать глаза, несмотря на полотняную повязку, я стал реже отвечать Леху.

А он как заведенный наносил и наносил свои удары, как будто гвозди вколачивал, причем стал их наносить в одному ему известном порядке – то слева, то справа, то два подряд с одной стороны. Долго так продолжаться не могло, и я все-таки пропустил справа увесистую плюху, аж в глазах потемнело.

Но тут и Лех ошибся, руки опустил, видимо, посмотреть захотел, как я падать буду, и я тут же ему провел прямой в челюсть. И снова он меня удивил: поняв, что не успева-ет увернуться, он стал падать назад на спину, одновременно выставив вперед ногу, на которую я наткнулся, и мы разлетелись в разные стороны.

Тут дядька Осетр поединок наш, к моей радости, прервал. – Рано тебе с Лехом-то на равных, хотя кой-чо умеешь, раз целых полчаса продержался. Но ты, как крестьянин, силен, но не вынослив, и нет в тебе настоящего стремления к победе. Стал быть, в обучение к Косматке пойдешь. Заодно и воинский урок освоишь. Токо сразу предупреждаю: ты черных мыслей про Косматку не думай, он у нас все слышит. Ну, с богом, Лех, отведи.

Я еще подумал: собратся бы, с Зарей повидаться. Но виду не подал: дисциплина, да и с Осетром особо не поспоришь – уж больно дядька серьезный.

Глава 5

Где леса, там чудеса

Лех пошел вперед, и я следом. Лех шел размашистым шагом, крепко ставил ногу, я заторопился. Шли молча: я устал, и говорить не хотелось, Лех тишину сохранял по понятным причинам. Очень быстро мы вышли из Славена, пересекли посадки, углубились в лес.

Я подумал: вдруг зверье, а мы без оружия, а потом даже стыдно стало: два сына неба идут по лесу и волчишек боятся. Да от нас, поди, такие толчки по земле идут, что все зверушки на стрельбище не подойдут.

Вот надо же – «стрельбище», то есть на выстрел из лука, я уже и думать стал как местные. Хотя, признаться, уютно мне здесь, как будто домой вернулся. Идем по лесу, птички поют – благодать! Взять бы топор и где-нибудь здесь, подальше от всех, срубить себе дом и баньку, Заренку с собой позвать и поселиться здесь. Я от этих мыслей – ииийих – даже зажмурился, так мне хорошо стало. Но тут же споткнулся и вернулся на землю. Может, у Зари жених есть из нормальных, да и как мы с ней... Ну в общем, есть проблемы...

Когда стоишь перед группой агрессивно настроенных личностей, втайне радуешься, что размер у тебя вот какой, а иной раз, поди ж ты, думается: а был бы как все, может,

оно и лучше.

Задумался я и налетел на Леха, потому что тот резко остановился и прижал палец к губам: тихо, мол.

Я прислушался к звукам окружающего нас дневного леса, но вокруг было столько всякого пения, шуршания и прочего звучания, что я ничего не смог понять и только молча ждал решения Леха. Лех показал мне на придорожные кусты. Я их аккуратно переступил и залег. Лех мне кивнул, тихо двинулся вперед и быстро исчез из виду. Не было его довольно долго, с полчаса, а потом он вернулся и жестом велел следовать за ним, только пошли мы с ним прямо через лес, все глубже углубляясь в чащу.

Здесь уместно привести «Сказания лесных эльфов» – историю Зуафара:

«В Ивовом распадке жил эльф Тарнак, из дельных мужей. Он отстроил большой хутор и назвал его Колючим Шаром, потому что стены были из колючих кустов. У него была жена Гудрин и трое сыновей Тужар, Джаган и Зуафар. Парни росли пригожие и многообещающие. Как то заведено у лесных эльфов, сыновья ходили в лесную стражу. Пришла очередь младшего – Зуафара. Он с братьями пожевал таркана, чтобы не хотелось спать и слух обострился, и отправился охранять хутор, на западные склоны Ивового распадка.

Зуафар постоял в густом подлеске, ожидая пока таркан начнет действовать. Через десять выдохов он услышал лес: каждый шорох, каждый запах, который приносил ветер. Да-

же землеройки в земле стали ему понятны. Теперь пришла очередь обоняния и зрения, на все есть свое растение. Подошел Зуафар к огромному ясеню, малому Иггдрасилью²⁷, взял тонкий второй корень²⁸, заострил его и вонзил в руку. Через двадцать выдохов он вынул корень из руки и упал, так сильно сок дерева древ стиснул его вены. Когда поднялся, стал силен как дуб и всевидящ, как будто сидел на вершине горы. С каждым шагом пальцы ног его уходили в землю и пили воду земли, волосы уходили в небеса невидимой кроной, впитывая солнечный свет, руки легко скользили вдоль тела, ощущая стволы его братьев. Теперь готов был лесной стражник.

И так вышло, что в ту пору черные мрассу шли на Славен через лес. Зуафар их услышал, и почувствовал, и смотрел на них глазами лесных соек, и чувствовал их запах носами волков. Мрассу не угрожали Ивовому распадку, что взять им с эльфов. Да и если подошли бы они близко, никогда бы не увидели Колючий Шар и его жителей.

Как только Зуафар почувствовал чужих, подошел к осинам, обнял своими новыми руками первый встретившийся ствол и прижался «кроной». Понеслась весть отцу и братьям. Затих Колючий Шар. Слились эльфы с ивами, одеревенели лица, руки и тела, затихло дыхание и стук сердца. Дышат те-

²⁷ Иггдрасиль – мировое дерево в германо-скандинавской мифологии – исполинский ясень (или тис), в виде которого скандинавы представляли себе вселенную.

²⁸ Второй, потому что от первого растет.

лом, как деревья корой, – не шелохнется воздух, не дрогнет рука, дети леса слились с Отцом²⁹.

Через лес двигалось огромное войско мрассу, впереди ехали шаманы Бархудары и гнусаво зывали: «Старый лес, дикий лес, пропусти. Ни к тебе, ни за тобой, ни за детьми твоими идем, едим свое, пьем твое, жжем твое. Нас прости и пропусти, за то не возьмем твоих зверей, а сожжем только сухое, деревья живого не срубим, ни олененка не сгубим, за проход дадим тебе мед, за обогрев оставим хлеб, за водицу положим крупицу». На полянах складывали обещанное: хлеб, мед, крупы.

Что ж, доброму гостю всякий рад. Зуафар осмотрел дары, держал волков подальше от скота мрассу, мышей – подальше от припасов. Не метал деревья и камни под ноги лошадей. Раз не вредят, пусть идут, куда собрались, то дела людские.

Но в лесу были не только мрассу, с их конями и скотом. Огромный человек, из сынов грома, таился в кустах, бесшумно скользил за караваном. Не зывал и ни о чем не просил, опасный и без оружия, натянутый как тетива лука. Но – великая удача! – не было при нем ни коня, ни собаки³⁰. Среди эльфов не рождалось сынов грома более ста лет. Зуафар последовал за неосторожным. Эльфам он может пригодить-

²⁹ Если эльф долго так просидит, больше трех суток, возврата нет, не захочет в человеческое состояние возвращаться. Но, слившись с деревом, может иногда говорить или вместе с деревом двигаться – отсюда истории о живых деревьях – энтах. Так они и сгнули – стали лесом.

³⁰ Лошади и собаки чуют лесных стражей, могут предупредить.

ся. Но он, встретив собрата, ушел на болотистую равнину, а там сыны леса не имеют власти».

Очень скоро все тропки закончились, и мы ломались через сплошные заросли с хрустом и пыхтением, пока под ногами не захлюпала холодная вода и не появились заросли осоки, аира и росянки. Вокруг была ровная как стол открытая местность, простирающаяся до самого горизонта, и на этой заболоченной равнине на самой середине стояло сооружение в виде усеченной пирамиды, с домишком на вершине.

Лех показал мне на пирамиду, перебрал в воздухе указательным и средним пальцами и показал на себя, мол, пошел я, сильно стиснул мою руку и почти бегом удалился в лес.

Я, разбрызгивая воду и лягушек, двинулся к пирамиде, которая вблизи имела вид четырех сходящихся лестниц, в точке схождения имелась площадка с домом, напоминающим мавзолей.

Все это было размером мне под стать, то есть домишко Косматки, в аккурат – зиккурат, здоровенный каменный рукотворный холм. Всегда меня восхищают творения человеческих рук, неважно, что передо мной – ДнепроГЭС или, скажем, детская игрушка. Ведь может же бесхвостая обезьяна, когда захочет.

Подниматься на зиккурат оказалось делом нелегким, когда добрался до верха, запыхался напрочь. Наверху никто меня не встречал, на мечях провериться не предлагал и пан-

дой не называл³¹. Площадка была довольно обширная, на ней помещался большой каменный дом, сложенный из огромных блоков, таких же, из которых сделаны лестницы, а неподалеку стояли несколько деревянных и глиняных грубо исполненных скульптур, изображающих воинов: кто с мечом и щитом, кто с копьем, кто с топором. Воины размеров были разных – кто с меня ростом, кто с обычного человека.

Я подумал: «Косматко, ты где?»

– Да здесь я, здесь! – раздалось откуда-то снизу.

Косматко оказался небольшим старичком, сухим и заросшим. Его волосы и борода составляли как будто единое целое и каскадами ниспадали до самого пояса. Вообще старичок мне понравился: опрятный такой, волосы чистые, рубаха свежая – нормальный такой дедушка-лесовик.

– Я... – хотел я рассказать о себе и зачем пришел, да только дедок меня тут же перебил:

– Головка от фуя – так вроде в твоём каноне шутят, ты стой, не дергайся и молчи, я сам разберусь... – Тут дед с лица сменился и забормотал: От оно как значит, а я-то дурушлеп... Ты постой, постой я сейчас.

Тут Косматко куда-то пропал ненадолго и вернулся с огромными красными сапогами и кожаным кушаком, которому любой цыганский барон бы позавидовал.

– На, держи, владей по праву.

– Это за что же?

³¹ «Убить Билла». К. Тарантино «Кунфу панда». М. Осборн, Д. Стивенсон.

– За «Матрицу», вот за чо.

– Так за нее братьям Вачовски спасибо сказать надо.

Фильм классный.

– Ты пойми, что из канона сюда человек приносит, за то ему и спасибо, ты, к примеру, новый способ обучения принес. За то тебе – почет, и опять самому же проще будет.

– Не понял...

Косматко мне сапоги и пояс с поклоном протянул, я с поклоном взял и, как только их взял, почувствовал головокружение и почувствовал, что вспоминаю вроде как будущее, только с большой скоростью. Можно только какие-то моменты зафиксировать: то меня огромный пес по лесу гонит, а у меня к ногам куски мяса привязаны, то я воду по лестнице Косматко таскаю, а он у меня на плечах сидит и погоняет. То я с огромным мечом, то с топором, то на коне (где ж такие кони есть-то). Не знаю, сколько это длилось все, но когда прекратилось, почувствовал я, как тело налилось силой и ловкостью, руки покрылись мозолями, и лихость так-а-а-ая, что я даже закричал:

– УУУУУУрррррррааааааааааа!

Косматко только усмехнулся и сказал:

– Ну-ну, угомонись, все болото переполошишь. Сапоги-то с поясом надень, ты теперь – воин. В двух словах если, все то, чему я тебя научить должен был в течение года, а то и двух, я тебе прямо в башку вложил. Теперь дело за тобой, заступник земли Русской. Беги пешим пока, коня и оружие тебе Осетр

справит. Хотя постой, матрица матрицей, а проверить надо.

Косматка сделал шаг назад и резко выкинул руку вперед, в воздухе блеснуло, и тут все вокруг изменилось, звуки загудели в нижнем регистре, и я увидел нож, летящий мне прямо в грудь, только он висел, оставив в воздухе красивую серебристую полосу, как реактивный самолет. И тут же зашевелились все скульптуры, стали двигаться ко мне, подняв свое оружие. Вот, значит, как: проверочка.

Я ножик из воздуха взял и с ходу его в деревянного истукана с топором воткнул. Правда, на истукана это не произвело никакого впечатления, как бежал, так и продолжил он движение. Надо сказать, двигался он на удивление легко и быстро, хотя звуки продолжали дудеть в низком регистре. Но тут мое тело и решило демонстрацию навыков устроить. От топора я увернулся и за топориче хват, закинул руку истукана себе на плечо и поклонился, да так, что он вместе с топором и щитом пролетел метров пять и на глиняного истукана с копьем рухнул, да с такой силой, что оба на запчасти рассыпались. Причем глиняный – в пыль, а деревянный просто бревном стал. Тут и остальные подоспели – успевай, поворачивайся. Как давай эти болваны всяческим оружием в меня тыкать – беда.

Я от меча увернулся и сразу мечнику под ноги скок, где я только что стоял удары – бух-бух, я глиняного мечника за ноги хват и по болванам: получи, фашист, гранату от советского солдата. Парочка рассыпалась, да вот беда, тот, кото-

рый в руках был, – в пыль. Понял я: надо деревянного хватать, он в руках бревном станет, все покрепче. И тут что-то со зрением моим стало: мир стал как будто нагромождением цветных нитей, и все вокруг еще замедлилось: серые нитки болванов, в руках у них черные отрезки – оружие, а к болванам желтые нити тянутся к оранжевому силуэту за домом: Косматко, а рядом с ним – еще болваны, только отрезки у них в руках какие-то другие, и вдруг осенило: луки, и у Косматко в руках тоже лук, только красный, и стрела на нем алая: прямо в меня целятся. Ну, думаю, щас я вас удивлю маленько, схватил деревянного болвана, тресь им по другому деревянному, положил одного на другого, схватил за грудки третьего и на один край деревянного вскочил, а по другому краю этим, который в руках, бабаах!!! Одним махом через дом перелетел. Еще посмотрел, какая на нем черепица красивая – синяя керамика! С другой стороны дома приземлился за спиной Косматко. Схватил его сзади за шею, он лук потерял, и болваны все на землю попадали: напугался, видать. А потом смотрю не напугался – отрубился, там ему на шее пережал. Но, слава богу, дышит – жив Косматко.

Я его на завалинку положил, водичкой из лужи брызнул, захлопал он глазенками и с хрипом выдохнул:

– Ты это, потише, витязь. Люди кругом, а не монастыри какие из ваших киношек, ты тут Халка³² не устраивай. И еще

³² Халк – зеленомордый голливудский урод из одноименного фильма (см. сноску про Шрэка).

чего это за нитки ты видал, я этому тебя не обучал. Кстати, ты чего из этих картинок понял?

– Понял, что ты всеми этими дуболомами управлял и что стрелять в меня собирался, ну то есть экзамен, как я понял, по полной программе.

– Ну и ладненько, и хорошо.

Косматко заметно повеселел и хлопнул меня по плечу своей сухой ладошкой. Хлопок вышел такой мощный, что я с корточек на задницу плюхнулся.

– Давай, витязь, пойдем отобедаем и в путь. Тут шептун прилетел от Осетра: Славен черные мрассу осадили, аккурат после того, как тебя ко мне отправили. Так что придется тебя приодеть слегка, да хошь ни хошь коня все-таки дать придется. Но конь – это мой, – с неожиданным нажимом сказал Косматко и уже спокойнее: – С тобой поеду, за Кауркой пригляжу. Пойдем посмотрим, чего тебе по размеру-то есть.

Зашли мы с Косматкой в его дом, хоть и большой, и, видно, старый, а чисто везде, и пахнет хорошо – вроде травами какими-то.

А в комнате мебель разная и на таких, как я, и на Косматку есть, видно, были предшественники-то ростом не мелкие. Я за стол присел: брюхо не отваливается, напрягся, в живот потыкал: камень, все кубики на месте, как-будто снова молодой.

– Слушай, а как так...

– Ты, Тримайло, меньше думай, больше делай. А если те-

бе про то, как тело твое натренировалось, когда я тебе знания прямо в башку посадил, интересно, то я тебе отвечу – не знаю. Самому бы разобраться, раньше я такого не делал. А может, так: «В боренье с плотью дух всегда сильнее, когда рабом не следует за ней»³³. Там разберемся – не до этого сейчас, отечество в опасности. Щас пожрем, тебя приоденем – и вперед.

Сели мы за стол, каждый за свой. Тут в комнату вошла женщина размером мне под стать, поставила передо мной чугунок с кашей, такой же, только размером соответственный, перед Косматкой. Посмотрел я на нее: экая силища. Хоть ростом пониже меня, но крепкая, широкоплечая, видно – ловкая.

Зная, что первой не заговорит, поздоровался, однако ответа не получил: молча поклонилась – и снова на кухню. Вернулась с хлебом и молоком.

Поели молча, каждый о своем думал. Я вот лично думал, какая еда вкусная: и не ел давно, и натурпродукт, молоко чуть в горле сметаной не стало, а хлеб ржаной сладенький. Как поел, подумалось: жизнь налаживается в маленькой провинции Ху-Нань, от, и женщины тут есть любых размеров.

После еды повел меня Косматко на улицу, там с другой стороны дома – отдельный вход: кладовая. Там по стенам оружие всякое, доспехи, просто всякий железный хлам, в углу – горн, тиски, всякие клещи-молотки. Нормальный такой

³³ А. Данте.

гараж.

– Ну, ты давай командуй тут, я к Василисе схожу, насчет одежды распорядюсь.

Здесь надо сказать, что я и в принципе мужчина не без рук, а тут еще Косматкина наука, я и не заметил, как стемнело, а был уже экипирован и вооружен по полной: меч по руке подобрал, подогнал, копьё по росту, наконечник что твой меч, булаву, несколько ножей метательных, кинжал, саблю, две кольчуги: одну облегченную – вроде футболки, вторую на английский манер, с капюшоном и длинными рукавами – подол – до пят, две брони: одну полностью стальную, другую – кожаную с булатными бляхами, два шлема, лук со стрелами, ну и мелочь всякую: рукавицы кожаные, запасную тетиву, тул и прочая, и прочая – целый мешок.

Косматко зашел, поглядел, одобрительно крякнул, весело сказал:

– Совсем разорить решил, по миру пустить.

Видно, что для порядку ворчит, но я все ответы знаю:

– Свои люди – сочтемся!

– Ладно, свой, пошли с Каурым познакомлю.

Снова вышли мы из дому и через еще один отдельный вход вошли в конюшню. Вот тут следует использовать какой-нибудь литературный штамп, как-то:дохнуло теплом и навозом, но на улице лето и вообще тепло, а конский навоз пахнет где-то даже приятно, если в него особенно не лазить.

В загоне стоял рыжий конь, не красный, а именно рыжий

красавец, огромный, мне под стать, могучий, как першерон, только еще больше. Глянул он на меня своими огромными глазами, и я понял, почему Косматко так на слове «мой» нажимал. Быть владельцем такого прекрасного животного – особое ощущение. Я пожалел, что не захватил с собой ни горбушки, ни морковки, но Косматко меня оборвал:

– Это тебе не говно возить, а конь богатырский. Он свободен, куда хочет идет, что хочет берет, кто не понравится – куснет, а не поймет – прибьет.

И действительно, двери в конюшне были настежь открыты, а у загона их вовсе не было. А перед мордой у Каурого были к стене прикреплены несколько корыт: с овсом, с водой, с морковкой, с сеном, с пшеницей, с репой, с солью и с яблоками.

Рыжий конь шагнул ко мне и положил мне морду на плечо.

– Гляди-ко ты, признал, – удивился Косматко.

Тут к нам присоединилась могучая дева, одежду принесла: три рубахи белые с вышитым воротом, пару черных шелковых штанов и – шик – алый шелковый плащ с тесьмой и золотой сустугой³⁴, с огромными сапфирами. Плащ я тут же напялил – не удержался.

Косматко откуда-то приволок седло, и Василиса его на Каурого надела. Я было сунулся помочь, но тут как раз тот случай, когда посмотрит – ножом погрозит, так глянула, что я

³⁴ Сустуга – застежка плаща.

чуть не отскочил.

Седло есть – уздечки нету. Как править, непонятно.

– Коленями и правь. Да и то не особо старайся, ты, главное, понимай, куда попасть хочешь, а Каурый и сам разберется. Ну что, вечеряет, поехали уже.

Взобрался я в седло, Косматко сзади приспособился, за луку седла взялся, ему Василиса узелок подала, приобняла его одной рукой на прощанье, я еще подумал: ага, а что ага, сам не знаю.

Ну тут мне не до чужих отношений стало, Каурый мысль, видно, мою про Славен уловил и взял с места в карьер. Ну уж взял, так взял. Я чуть с него не грохнулся. И понесся Каурый, да с поскаком, замелькали только картины смутные: то вроде болото Косматкино, а вот уже и осины с березами, а вот уже и дубы стоялые возле Славена белокаменного.

Здесь Каурый на рысь перешел, и увидел я силу вражескую, до самого горизонта дымы от костров и шатры, а меж шатров от мрассовцев – черным-черно. Ну ничо, сщас пересчитаем.

Косматко тут и говорит:

– Ты, богатырь, спесь удержи – на все свои правила есть. И мрассу их чтят, и мы. Ночью боя нет, завтра будем биться. Ставь копьё, чтоб видно было, и – спать. Утро вечера мудренее.

А я подумал: во-во, точно не мудренее, а мудрёнее, то есть что с вечера не сделал, то утром сложнее будет. Но когда

трудности останавливали китайских комсомольцев.

Хотя, признаться по-честному, ломить силу вражескую никакого желания не было. После такого-то дня, сами судите: поединок с Лехом, переход к Косматке, обучение, экзамен да еще эта гонка на Кауром – все это вымотало меня до донца. Поэтому я рухнул наземь и заснул, как будто не спал долгие годы.

И вот тут снова тьма и голос: «А во время бедствий, которые сопровождают прецессию равноденствий, Носители Знания в количестве около тысячи человек ожидали в том самом корабле, который впоследствии был с замечательной эффективностью использован женщиной из Белоруссии против инопланетных захватчиков. В результате смены полярности ряд крупных островов на юго-западе планеты, которые некоторые, с позволения сказать, специалисты относят к единому материку, ушли под воду, а на северо-востоке, напротив, появились. Ряд появившихся островов стали называть Цепь Правды. Впоследствии на этих островах был проведен уникальный эксперимент над «новыми людьми».

В результате бедствий человечество деградировало до самых глубоко материальных слоев существования. Часть выживших с континента Азия переплыли на Цепь Правды и стали проживать там, ведя натуральное хозяйство и практикуя групповые браки. Самцы человека стали объединяться в огромные стаи и охотиться, иногда уходя из дома на несколько месяцев, некоторые из них специально не возвращались

домой, кочуя от группы к группе, переплывая с острова на остров, иногда присоединяясь к какой-нибудь групповой семье имени своего тотемного животного. Эти группы очень быстро уничтожили всех зверей и животных, так и не позволив самкам создать животноводство из-за особой прожорливости, присущей всем представителям новой цивилизации.

Часть групповых семей стала переселяться на континент, из-за систематической нехватки пищи ведя захватнические войны.

Выходцы с островов отличались высоким ростом (до двух с половиной метров) и другой физиологической особенностью, которой отличаются и современные бушмены: член у мужчин находится в состоянии постоянной эрекции. Данная особенность вызвала разночтение между названиями, которые дали пришельцам жители континента: женщины называли их сынами грома или сынами божьими, а мужское население – гогами (на тогдашнем языке гог – мужской член).

Женщин с островов жители континента называли одинаково: магоги (от мать гога)».

Глава 6

Пакет спасения

Когда я открыл глаза, то увидел исцарапанную надписями серую стену и понял, что проснулся оттого, что меня за плечо трясет человек в милицейской (или уже полицейской?) форме и что-то орет.

Я ни слова не понял из его воплей, выходило у него что-то вроде:

– Я м-аать твоюю, тебяяя, убить час назад, вставай и держай! И по фиг мне все, нельзя больше!!!

По-видимому, милиционер (или все-таки полицейский?) был в стельку пьян³⁵, но спорить было глупо, и я позволил вытолкать меня на свободу взащей, правда, на прощание пропел пару рулад, сладких славянскому уху, когда славяне не в духе.

Хотел пустить еще вонючих ветров, но меня уже выставили. Денег, естественно, не было, еще и посетило удивительное желание закурить. А не курил я лет десять, наверное, но навеяло: «...и я откинулся такой базар-вокзал: глазел на

³⁵ Здесь вновь нужны пояснения автора: этот, с позволения сказать, «писатель», обнаруживает полную юридическую неграмотность, совершенно очевидно: офицер имеет в виду, что задержать гражданина разрешается на срок три часа, до выяснения личности, а если гражданину не предъявлено обвинения в преступлении или правонарушении, задерживать его далее нет оснований.

шлюх и мирно кушал пончик...» М-да, русский шансон, это вам не вздохи на скамейке: «...и на руке расцвел, с чайками Магадан...» И все эти «Владимирские централы» с такой силой нажали мне на черепную коробку изнутри, что я затряс головой и испытал чувство падения и безысходности от внезапного понимания тускло-нецветного восприятия окружающего мира тех людей, которые пишут такие песни, и тех, кто ими наслаждается.

Воистину прав Патанжали³⁶, что снизу миров не существует, есть только уровни сознания, а спуск в нижние слои этих уровней и есть ад крошечный о семи кругах.

Захотелось встать на колени и покликушествовать в стиле Данте Алигьери: а круги те холодные, обмороженные. От одного до другого иди-иди, не дойдешь, не доедешь, в каждом круге-то смотрящий сидит, покрикивает. А в деснице-то³⁷ у него плеточка, а в шуйце-то³⁸ вазелин: знай себе – наказывай...

Думаю, неплохую выручку бы собрал с сердобольных христиан. Нищих много на Руси, а блаженных – единицы, опять же идея оригинальная, никаких там: сами мы не местные, дайте денег на обратную дорогу и т. д.

Не знаю, как вы, но я нищим денег всегда даю, бог тебе дает – «за что» не спрашивает, и ты не думай, просят – дай,

³⁶ Патанжали – индийский йог.

³⁷ Десница – правая рука (*слав.*).

³⁸ Шуйца – левая рука (*слав.*).

если есть.

Если нет – сопереживай на секунду.

Вот здесь надо сказать, что если выложить самому себе всю правду начистоту, то хорошего кому-то сделать, хотя бы и самому себе, получается немного, поэтому стремиться к этому следует специально, а то случай может и не представиться. Если вспомнить все, что ты сделал плохого или что тебе плохого сделали, то списки получатся значительные. А вот список добрых дел собственного изготовления до обидного скромн. От таких мыслей мне сильно захотелось облагодетельствовать все человечество, пусть даже и против его воли. Но, решив начать с кого-то конкретного, я вспомнил про Витьку. Меня даже в пот бросило – черт, я же его там оставил даже без денег, запертого в квартире. А ведь он командировочный!!!

Да, ни денег, ни «пакета спасения», а спасти Витьку как-то надо. Отделение от ларька и Витькиной квартиры недалеко, и вспомнил я про торговку, которая побеседовать хотела, а я торопился похмелиться и общаться не стал. Между размышлениями и действием время нужно неутомимо сокращать: это и есть решительность. Я почти бегом влетел в ларек. Но здесь меня ждал неприятный сюрприз: за прилавком был парень, который с неприязнью взглянул на мой расхристанный вид: драка с милиционерами и пребывание в кутузке не прибавили мне привлекательности. Парень несколько секунд рассматривал меня, а потом опустил руку под прила-

вок: видно, нащупал «тревожную кнопку». Новая встреча с городской стражей не входила в мои планы, и я молча вышел из ларька. Да и что я мог ему сказать: у меня командировочный друг заперт и страдает? Вряд ли он вошел бы в положение, хотя не попробуешь – не узнаешь. Я решительно развернулся и увидел через стеклянную дверь, как тот парень вынул руку из-под прилавка. В руке был обрез охотничьего ружья. Из него он целился куда-то вниз и широко разевал рот: орал на кого-то. Я тут впал в легкий ступор³⁹, согласитесь, для одного дня многовато, теперь вот скачок⁴⁰. Стою и глазею через дверь, как он там орет, и в этот момент мне в левую лопатку уперся ствол и хриплый голос вежливо предложил: «Давай, дяденька, внутрь, не стесняйся!» Я и глаз скашивать не стал, резко повернулся вправо боком и по ходу движения выбросил руку сверху вниз, почувствовал, что попал и кувыркнулся с крыльца ларька прямо на асфальт, приземлился на колени и локти и на карачках судорожными скачками убежал за угол.

За спиной грохнул выстрел, посыпалось стекло, потом еще один. Я снял куртку и высунул рукав из-за угла. Никакой реакции. Спрятал рукав, высунул полкуртки. Тихо. Аккуратно выглянул: парень, который меня вежливо приглашал, сидел на корточках, держась руками за лицо, рядом валялся такой же обрез, как у его дружка внутри ларька, стволы ды-

³⁹ Синтез анабиоза и ступора.

⁴⁰ Скачок – разбойное нападение.

мились. Стекло́нная дверь разлетелась на осколки, но было тихо, парень только слегка поскуливал, видимо, сдерживался, чтоб лицо не потерять. Хотя как же он его потеряет – вон как вцепился.

Однако раненый, или, вернее, стукнутый, меня волновал мало, но вот где его напарник? Я быстро на цыпочках добежал до следующего дома и осмотрелся: ларек был как на ладони. Второй двери не было, значит, он внутри. Я решил подождать: все равно не выдержит – побежит, время не на него работает, выстрелы наверняка слышали, кто-то уже в милицию звонит.

И точно, через минуту из ларька выскочил парень, ошале-ло оглянулся, что-то крикнул своему подельнику и метнулся во дворы. Второй так и остался сидеть на корточках.

Ну все, операцию по спасению Витьки следовало начинать незамедлительно. Пробегая мимо неудачливого разбойника, я подхватил обрез, открыл патронник и ударил прикладом об лестницу. С удовлетворением услышал характерный хруст: теперь не постреляешь, гаденыш.

В ларьке повсюду валялись осколки стекла, и казалось, что ходишь по снегу: хрусть-хрусть. За прилавком лежала бездыханная продавщица, я ее тронул за грудь – живая! Знепритомнила⁴¹ просто. Где что лежит, мне напоминать не надо, по-прежнему маршруту пробежал: водка, рыбка, финики, пиво... и бегом на выход, дал себе при этом клятвен-

⁴¹ Знепритомнить – потерять сознание (*псевдоукр.*).

ное обещание, что расплачусь с процентами при первой же оказии. Все равно было неприятно, тут бы женщине помочь. И вот тут я понял, что тупо не смогу, недавно хотел весь мир осчастливить, а теперь тырю водку, как давешние разбойнички. Поставил я «пакет спасения» (вот уже второй до Витьки не донес) на прилавок, подошел к продавщице и стал ей уши тереть, втайне надеясь, что делать ей дыхание рот в рот не придется, очень уж от нее табаком пахло. А так бабенка вполне симпатичная, при других обстоятельствах я бы порадовался случаю стать ее спасителем.

Но, слава богу, обошлось, открыла «королева ночного ларька» глаза свои зеленые, которые немедленно наполнились слезами. Меня она признала и... кинулась на шею; далее, пылая благодарностью, она должна была изобразить несколько номеров из немецких фильмов про сантехников и разносчиков пиццы. Но жизнь не богаче фантазии: все тот же «день сурка» без конца и начала.

Вот в каком-то старом голливудском фильме главный герой говорил, что вы зря прожили жизнь, если хоть раз не услышали фразу: «Выходите по-одному с высоко поднятыми руками». Но когда вы ее или очень похожую на нее фразу слышите, то ощущения, что ваша жизнь наполнилась новым значительным смыслом, не возникает. Вот не возникает, и все тут! Напротив, возникает череда очень странных мыслей, вызванных досадой и страхом: мне подумалось в стиле шансона: опять весна, опять грачи, опять тюрьма, опять дро-

чи. И пожалелось о трех вещах: не успел спасти Витьку, не успел помыться, с барышней даже не познакомился.

На этот раз стража прибыла в пятнистом: ОМОН – вот одна из причин, по которой я по рекомендации господ милиционеров (полицейских?) улежся мордой в пол и сложил руки на затылке, чтобы почувствовать оковы и продолжить свое кружение между ларьком и отделением. Вторая причина – да будет так, да и третья – устал я, вот честно – устал.

Но делай добро и бросай его в воду, оно всегда к тебе вернется. Продавщица не осталась в стороне от событий, вот она ОМОНа совсем не боялась, вскочила и во весь свой неслабый низкий голос, таким в опере петь не стыдно, стала объяснять, что когда ее несчастную здесь грабили и унижали и вообще собирались изнасиловать, где были все эти крепкие ребята. А вот когда ее спасают, то вот они заступнички – надежда и опора – хрясть и заковали. Мужики чего-то прогудели в ответ, потом еще, но спасенная не угомонилась, пока меня не расковали и не подняли.

Пришел опер (говорят, упал намоченный), опросил. Пришел следователь-женщина, матерая как Родина, которая с плаката зовет, допросил(а). По разговорам, которые кипели вокруг нас, понятно стало, что взяли из разбойничков одного, который убегал с обрезом, а который тут посиживал, ушел: где-то во дворах потеряли. Но дескать, долго не пробегает, раненный, и собака-чемпион по нюху скоро будет здесь.

Личность мою, в районе очень известную, установили, но

моя защитница заявила, что теперь меня ни за что не отпустит, потому что ей страшно, и вообще не ваше дело. Милиционеры (или все-таки полицейские) потоптались, но спорить не стали, следователь (ница, ша) выдала повестку на завтра, явиться как свидетелю, и все вывалились на улицу. Остались в ларьке только я да спасенная (и спасительница) в одном флаконе.

И стали мы спокойно беседовать о том о сем. Зовут барышню Ира, очень она мне благодарна: обмен машинами, невинный поцелуй. Несмотря на романтическую обстановку, мне хотелось выпить и помыться, а ей неплохо было бы конфетку мятную употребить. Поэтому никакого хардкора, не надо ставить многоточие, включать образ пылающего камина или пролетающей мимо стаи журавлей.

Помог я ей картонкой разбитую дверь закрыть, рассказал про закрытого дома Витьку. Перепирались маленько: я клялся, что заплачу, но после, а она мне «пакет спасения» подарить хотела. Но я – кремень, на своем настоял. Дождался я ее хозяев, пожилую пару из предместий столицы, и с чувством исполненного долга и удачно начавшейся интрижки удалился. Немного испортило общее приятное ощущение мимолетное воспоминание о Заре, но ведь она мне только в бреду является, так что имеются несомненные смягчающие обстоятельства.

Бегом кинулся к Витьке, донести «пакет спасения» теперь дело чести.

Пробежал я первые сто метров, как из подъезда слабо так: «Братан, бра-та-ан, постой». Мне бы пройти мимо, но ведь христиане мы, хотя клянусь себя самого последними словами, а поделаться ничего не могу – надо помочь. Захожу в подъезд, никого, только голос, что за напасть.

Прислушался, а голос из-за двери в подвал, дверь на замке. Ничего не пойму.

– Эй, ты как там очутился, чего орешь-то?

– Да менты гоняют, сюда и спрятался.

Вот тут я начал кой-чего понимать.

– А ты, сокол, часом, не ларек ли грабил?

За дверью примолкло, зашуршало, в щели показался пылающий ненавистью глаз.

– А-аа, юные комсомольцы, помощники милиции пожаловали. Ну радуйся, гад, что я обрез потерял. А то бы...

– А то бы что? Застрелился бы с досады, что ли? Ты, дружок, где научился в людей оружием заряженным тыкать, а?! Потом обижаешься еще.

– Да я хотел, что б ты в ларек зашел, и все.

– Иди ты, и там бы ты мне водки бесплатной выдал и варенье «на завтра». Чего примолк, вот именно, что сам не знаешь, что бы ты с кентом своим решили. А я, значит, вот какой плохой, застрелить себя не дал, да еще и сбежал. А за то, что ты, говнюк, за мирными гражданами, нонкомбатантами бегаешь с обрезом наперевес, за тобой теперь дяди-милиционеры гоняются, и это прямо верх несправедливости –

заплакать хочется. Эй, чего молчишь?

За дверью слышно было только сопение, но как-то низко-вато.

– Ты чего там – упал, что ли? Эгей.

А в ответ тишина. Вот что делать, ума не приложу, может, так молчит, а может, с ним случилось чего. Поди разбери. Дилемма, почище агни-йоговских задач.

Рерих пишет: к одному отшельнику явился враг рода человеческого и предложил ему святые дары. И получается: если возьмет отшельник дары – значит, сотрудничает с дьяволом, не возьмет – ценность святых даров приуменьшит. И тогда отшельник стал с молитвой на беса наступать и заставил его дары бросить и исчезнуть.

И у меня ситуация: какое мне дело до негодяя, который меня чуть не угробил. Но услышал его я, а если он и вправду там валяется без сознания, может, его милиционеры ранили, или я ему лампочку окончательно стряс⁴², кто ему, кроме меня, поможет, то-то и оно, что некому.

Вот елы-палы, я что, «пакет спасения» до Витьки сегодня не донесу, что ли? Но, шалишь, если загнется этот малознакомый разбойник, значит, такая его судьба, а Виктора я спасти просто обязан, это же друг мой, и никогда в меня оружием не тыкал, даже в шутку. Решено, дал я себе обещание, что вернусь, и стремглав побежал исполнять свой долг.

Когда к дому подходил, обратил внимание на «шестерку»

⁴² Стрясти лампочку – причинить сотрясение мозга.

без номеров. Она стояла возле первого подъезда с работающим мотором, с погашенными фарами и габаритами. Очень подозрительный автомобиль, но хватит на сегодня полиции (милиции) помогать, «пакет спасения» надо до Витьки донести и отправиться к придурку, который на меня напал.

Но, как только я в подъезд зашел, сразу стало ясно, что планы придется скорректировать: ждали меня четверо гопников – мой давешний дружок с заплывшим глазом и трое его соратников. В профессиональной форме, как положено, спортивные костюмы, кожаные куртки, трое в кепках. В руках пистолеты и ножи, хоть сейчас в комиксы про опасности в городе. И под картинкой надпись: увидев в своем подъезде таких парнишек, паникуйте и сваливайте что есть мочи. Так я и поступил. Не вступая в разговоры, я метнул в них «пакет спасения» (прости Витек!), одновременно ногой закрывая дверь тамбура, и присел вниз, развернулся и с низкого старта выскочил из подъезда, издавая победное рычание: догнать меня – утопия. Но вдруг почувствовал резкую боль в ноге и увидел, как приближается к моему лицу серый асфальт, хотел выставить руки, но не успел – хорошую, видно, скорость набрал. Последнее, о чем подумалось: «А вот и пятый!» – и хлоп, отрубился.

И снова треклятый голос: «И образы, порожденные цифрами, нашли отражение во всех человеческих культурах. В частности, птица или бог, витающий над водами и роняющий в воду частицу себя, из которой произрастает множе-

ство вещей, – суть единица и ноль, числа, с помощью которых можно отразить любые объекты и их состояние: обратите внимание на двоичный код. Ноль символизирует собой воду – океан изначальной энергии, единица – творческое начало. Сливаясь, они образуют новое, преобразая друг друга. 01 – еще не достигшая слияния энергия и преобразующий ее творец, 10 – уже преобразованная энергия, подвергшаяся изменению через влияние творца. То есть шкала от одного до десяти и есть история возникновения всех вещей: закодированное послание. Творческая сила двух начал $1+1=2$, это единение противоположностей, слияние, а иногда и частичное уничтожение двух сил для создания некой новой силы или вещи, такое противостояние извечных сил породило нечто синтетическое: существо, которое и бог, и дьявол, и душа, и материя: человек – это 3. Единица, двойка и тройка – суть рассказ о диких неконтролируемых изначальных стихиях, которые бушевали на заре времен и при любом смешении раскладываются на самих себя. После подобных потрясений необходимы были отдых и покой, единение слияний $2+2=4$: в объединении преобразованных сил, их взаимодействие не вызывало той разрушительной силы, содержащейся в творческом начале. Так же объединение нестабильной тройки с творческим началом $1+3=4$ качнуло весы в сторону осознания присутствия божественной силы в мире, желание трансцендентальных откровений, которые невозможны без созерцания и самосозерцания. На землю снизошел

покой. Но он не мог длиться вечно, взаимодействие человека и знаний, умений, вещей породило творчество человека $3+2=5$.

Все указанные этапы и все последующие трансформации происходят в результате воздействия творческой силы – единицы, которая прилагалась по мере созревания мира для нового откровения. Причем сложение гораздо древнее отрицательной шкалы: понятие чисел, которые «меньше, чем ничего», возникло только в 15 – 16-м веках нашей эры.

Однако продолжим: следуя развитию творческих сил, возникло множество людей, они осознали себя как силу в общности $5+1=6$ или $3+3=6$, но в мире было множество вещей $2+2+2=6$, и люди желали их. Это породило убийства, войны, разрушения – антропогенный фактор влияния на окружающий мир. В связи с этими событиями восприятие шестерки негативное, отрицательное.

Новый этап развития принес спокойствие, но многое и усложнил, особенно восприятие творческого начала, высшей воли универсума и бога, $3+4=7$. Семерка породила стремление к покою и познанию, многие культуры почитают это число как священное. $5+2=7$, творчество человека приложено к вещам, понятиям, знаниям и др.

Восьмерка, которая у многих народов означает счастье и удачу, число противоречивое. С одной стороны, это $4+4$, то есть двойной покой, с другой: $6+2$, взаимодействие разрушения и всех вещей. А также множество вещей $2+2+2+2$.

Неудивительно, что этим же символом обозначают бесконечность, так как число самое многоплановое, но, безусловно, творческое и позитивное. Вообще чем число больше, тем выше его творческий потенциал: $1+1+1+1+1+1+1+1=8$.

Девятка – число союзов, $3+3+3$, число взаимодействия творчества и покоя $5+4$, число пика человеческой цивилизации. Указывает, что время отдельных личностей прошло и настала пора человеческих объединений: партий, союзов, международных корпораций и т. д. Девятка – число магии, ведь на какое число его ни умножь, девятка всегда воспроизводит саму себя $8 \times 9 = 72$, $7+2 = 9$, $9 \times 12 = 108$, $1+0+8=9$ и т. д.

Глава 7

Чужая душа – загадка

Разбудил меня утренний холод неподалеку от города Славена, Косматко костер уже разжег и возился с котелком, готовил нам завтрак. По его спокойствию я понял, что нам ничего не угрожает.

– А, проснулся, герой, вставай, там слева ручеек течет – умоешься, да позавтракаем, – с улыбкой сказал Косматко.

– А косорылые мне умываться не помогут? – в тон ему спросил я.

– Ну допустим, они не косорылее нас с тобой. Присмотришь при случае, а случай ждать себя не заставит – вот увидишь. Они копье твое еще вечером приметили, скоро пожалуют. Ждут, когда ты копье снимешь. А пока копье стоит, можешь хоть в пляс пускаться – твое право, – объяснил Косматко.

Ну что ж, понятно, подумал я, но меч взял с собой. Слева от стоянки действительно протекал небольшой ручей. Я не спеша умылся холодной и чистой водой и с осторожностью попил из ручья, помня о недавнем инциденте. Правила у местных приемлемые, где-то даже благородные. Но в военном смысле непонятные, разить врага надо везде и всегда – вот путь к победе, другого не придумали. Хотя надо попо-

дробнее расспросить про воинские обычаи, пригодится.

Когда вернулся, Косматко подал мне обеими руками богатырский бутерброд: на целом хлебе кусок окорока и полный какого-то отвара котелок.

– На-ко, поправся. День у нас долгий предстоит. Теперь, чтоб к своим пройти, задания надо выполнять, – сказал Косматко.

– Какие задания? – заинтересовался я.

– А такие, какие мрассовцы тебе зададут. Уж какие придумают: может, бороться, может, из лука стрелять, бывает, и загадки загадывают. Три задания исполнишь – без боя к своим пропустят, а не исполнишь – нападут всем скопом, – ответил мой нынешний наставник.

– Так, может, того, обмануть их? Военную хитрость применить: копьё до вечера не снимать, а ночью проскочить к своим, – предложил я.

– Ишь ты, хитер бобер, тока главного не допер! Ты хоть из другого канона витязь, а понимать должен, дураков везде хватает, да только счастливцев их всегда встречает. Мрассу нас обложили и ждут, если копьё до вечера не преклонишь, они ждать не станут. Навалятся со стрелками да конницей, и сыны грома у них есть, а как же, иначе они на Славен не сунулись бы. Так что доедай, и начнем, – продолжил наставления Косматко.

– Да что же ты, старый пень, вчера-то мне не объяснил, – рассердился я, – в ночь бы и попробовали прорваться.

– Чего о том болтать, объяснил же: традиция, – отрезал Косматко.

– Традиция, шмтрадиция, – проворчал я в ответ, – а сказать надо было.

– Вот бы ты всю ночь и ворочался, думал – что да как. А теперь ты свежий да пригожий, на любое дело гожий! Да ты не сумлевайся, богатырь, сдюжишь! – подбодрил меня Косматко. – Я с тобой буду, ежели чего, подсоблю.

Хотел я чего-нибудь в ответ буркнуть, но сдержался. В самом деле, богатырь, а нюни распустил, как школьник: а мне не сказали, что контрольная будет, а я не готов. Готов, готов, еще как готов, эвон давеча урарайствовал, лихостью бахвалился – изволь, соответствуй.

Позавтракали, собрались мы с Косматкой и Каурым, придется копьё снять. Только я его из земли вытащил, не успел к седлу приторочить, явились к нам гости: трое сыновей грома на огромных скакунах, правда, не таких мощных как Каурый, и с десятков обыкновенных всадников, на обыкновенных косматых коньках. Вот и выпал мне шанс присмотреться к Черным мрассу, или мрассовцам, они же басурмане, они же бич божий, они же жорцы и июрзцы. Народец крепкий, жилистый, но помельче, чем в Славене. Даже сыны грома – мне по грудь. Одеты были гости шикарно: шелк, атлас, парча, дамаскет⁴³, сафьяновые сапоги, на кривых саблях сапфи-

⁴³ Дамаскет – шелковая ткань с металлическим шитьем, чаще серебряным или золотым.

ры, рубины, изумруды. Хотя сейчас на картинку: были мы повсюду, грабили разного люду, кто нас видал, сразу сапоги снимал, а если без сапог, отдавал пирог, а не было пирога, пробовал батога, а некуда бить, приходилось зарыть.

Ясно, что не рядовые пожаловали. Но кроме сабель и луков – никакой брони: ни шлемов, ни кольчуг. Я на Косматку глаз скосил, тот молчит, на гостей спокойно смотрит. Значит, и я промолчу, по крайней мере не ляпну какую-нибудь глупость по незнанию. Гости тоже молчали и глядели на нас с нескрываемым интересом. Лица все молодые, самому старшему лет 30, не больше. И вот тут я понял, что разные они: с широкими глазами, с узкими, с карими, с серыми и даже с голубыми, лица скуластые и вытянутые, носы маленькие и большие, и брюнеты, и блондины, и рыжие – всякие. Вот это да, а я их за азиатов почитал, а тут: интернационал собственной персоной. Загадка, надо Косматку расспросить, потом, за семечками.

Выждав еще с минуту, Косматко важно провозгласил:

– Мы стояли, вы пришли.

– Приглашаем вас присесть, спеть, попить, барашка съесть, – откликнулся сын грома в самой богатой одежде.

– Это большая честь, кто оказывает ее нам? – так же важно продолжил старик.

– Я, Азамат, сын Раклы, мой отец великий и могучий султан, Аман Шестой этого имени.

Тут я чуть не подпрыгнул на месте, потому что в голове у

меня раздался голос Косматки: «Гляди-ка ты, прынец пожаловал, младший, но прынец». Я мысленно проворчал в ответ: «Мог бы и предупредить, старый пень, напугал. Ты мысли мои постоянно читаешь?» «Да какой там постоянно, очень мне любопытно, что ты там в башке гоняешь. Ты думаешь, и корова поднимает хвост, знаешь, что общего – и в том, и в другом разе – навоз», – возмутился старый телепат. «Ладно, дедуля, не горячись, сам виноват, лучше объясни, как это он сын какого-то Раклы и султана, у него что, два отца?» «Ну а в вашем каноне таких вроде даже супругами признают». «—», – только и смог подумать я. «Рот можешь закрыть, – пошутил я, – веселился всюду, внутри моей головы, Косматко, Ракла – его мать, видно, знатного рода, из белых мрассу скорей всего. – Только давай мы потом об этом поговорим, и головой не мотай, как блаженный».

– Я Тимофей, сын Тихона, – представился Косматко. Славно, и я буду знать, как его зовут, а то не до этого как-то было. «Представься, дубина», – опять продемонстрировал свои телепатические умения Тимофей Тихонович.

– Я Василий Тримайло, сын Владислава, – подражая Азамату и Косматке, сказал и я.

Остальные промолчали, видно, не по чину. Человек пять обыкновенных всадников тут же спрыгнули с коней и шустро забегали по лугу, на котором была наша стоянка. Как по волшебству на траве развернулся ковер, на нем появились низкие столики, над ковром белый шелковый навес, с кистя-

ми, на столиках фрукты, вино и посуда, а на старом кострище уже всю пылал огонь, а над огнем висел прокопченный кофейник с водой.

Азамат жестом пригласил под навес. Я и Косматко присели каждый за свой стол, по размеру сразу было понятно, какой из них кому предназначался. Азамат сел за свой, золоченый, один из всадников налил нам в чаши вина и вышел из-под навеса. Азамат был пониже меня, по-юношески стройный, со светлыми волосами, но темными бровями и усами, светло-карие глаза смотрели на нас задорно, с веселыми искрами.

«Загадки будут, по всему видно. – Снова воспользовался скрытым каналом связи Косматко. – Больно мягко стелют, твердо будет спать. Загадки они любят. Когда ночами скот пасут, друг другу их загадывают. А весной все мрассу возле Скармуша, священной горы, собираются, у них там состязания разные, есть и по загадкам. Его выиграть так же почетно, как и козлодрание».

Азамат выпил вина, дождался, пока мы оба пригубим свое, и перешел к делу:

– Ты, Тимофей, мрассу уже встречал, по всему видно, обычаи наши знаешь. Хочу, чтоб Василий загадки мне загадывал, если отгадаю три загадки – не обессудь, скрестим клинки, если хоть одну не отгадаю, вольному воля, хочешь назад, откуда пришел, а хочешь в Славен, никто тебя не тронет до городских ворот.

– Загадки – это можно, – с некоторым недоумением протянул я. И мысленно: «Что скажешь, дедуган, идеи есть?» «Ты лучше из своего канона загадки вспомни, мои он скорее всего наперечет знает, – отозвался Тимофей Тихонович, – хоть я в голове твоей порылся, но многое мне непонятно, так что ты давай сам».

– Ну слушай первую, – начал было я, но Азамат жестом прервал меня, указав на мрассовца с кофейником, дождался, пока тот разольет кофе и уйдет. Потом громко заорал что-то на своем, и все мрассу убрались на приличное расстояние, видно, следующей весной Азамату конкуренты на конкурсе загадок не нужны. Азамат снова жестом предложил мне продолжать.

– Берешь обеими руками и суешь между ногами, толкаешь коленями, пятками бьешь, ты движешься медленно или рывками, бывает, паришь с ними за облаками. Ты любишь их, кормишь и кров им даешь, ты бьешь их до крови, пускаешь под нож. Что за ласковый за зверь, отвечай же мне теперь.

Азамат задумался, отхлебнул кофе, зажмурился от удовольствия и ответил:

– Женщины⁴⁴.

– Ответ неверный. Правильный ответ: лошади⁴⁵, – не без

⁴⁴ Автор не несет ответственности за ответ Азамата, он дикарь и ретроград. Женщина не зверь какой-нибудь, а человек.

⁴⁵ Первоначально эта загадка – про велосипед: беру обеими руками и сую меж-

злорадства, с расстановкой произнес я. Первый выстрел, и сразу в яблочко.

Азамат, похоже, нисколько не расстроился, улыбаясь, сказал:

– Гудрякши⁴⁶ зикреджи⁴⁷, фех⁴⁸! Замечательная загадка, гудрякши, у нее две правильные отгадки, только выбирай! На нее невозможно ответить правильно, – путаясь в языках продолжал Азамат, – ты большой мастер, Василий, сын Владислава, я запомню это имя и расскажу о тебе в степях. Это достойная победа, но я прошу тебя продолжить состязание, пусть оно больше и не имеет смысла. Это доставит мне удовольствие, и я готов заплатить за него, назови цену за оставшиеся две.

«Проси коня. Он сейчас на все согласен, – тут же подключился хитрый старичелло, – у мрассу кони – огонь».

– Постой, я знаю, что тебе предложить, – продолжал в восторженных тонах Азамат. – Вас двое, но фех один – кому он принадлежит?

– Каурый – мой, – ответил Косматко.

– Василий, я дам тебе коня за две загадки!

«Соглашайся, чего молчишь – загадок жалко?» – спросил Косматко. «Да не в этом дело, просто обмен должен быть

ду ногами, пять минут потеешь, а потом балдеешь.

⁴⁶ Гудрякши – хорошо, просто прекрасно (*мрас.*).

⁴⁷ Зикреджи – загадка (*мрас.*).

⁴⁸ Фех – лошадь (*мрас.*).

справедливым, а то я себя обманщиком чувствую», – признался я. «Да ты не сумлевайся, витязь, для Азамата две хорошие загадки – ценность, он на весенних играх чемпионом станет, для младшего принца это случай отличиться, соглашайся, а то пешком пойдешь. Бери коня, тем более что сам предлагает».

– Я согласен! – не стал больше спорить я. На базаре два дурака, один покупает, другой продает.

– Рикжан, приведи Ассама, – прокричал Азамат в сторону своей свиты.

– Слушай следующую загадку: волос на волос, тело на тело, и начинается темное дело.

Азамат стал набивать деревянную курительную трубку табаком, лукаво улыбаясь, задумался ненадолго и ответил:

– Если бы я отгадывал эту загадку первой, я бы ответил, что это муж и жена занимаются любовью, но я уже понял, что твои загадки с подвохом. Но я не зря, среди мрассу черных и белых, зовусь мудрецом, хоть и молод. Мой ответ – веки.

– Верно, ты быстро учишься, Азамат, быть тебе победителем в состязании загадок, – похвалил я младшего принца. Слушай следующую: берут его двумя пальцами, вставляют в дырку с волосами, туда идет сухой и сильный, оттуда влажный и бессильный.

Азамат закурил, прищурился на солнце, выпил кофе и задумался надолго. Потом лицо его просветлело, он отложил трубку и достал из сумы на поясе табакерку и предложил ее

мне.

– Да, верно, – рассмеялся я, – это нюхательный табак.

Азамат встал, мы поднялись тоже.

– Ассам твой, забирай.

Как только мы сошли с ковра, его тут же свернули. Оказалось, что утварь со столиками уже исчезла, ушлые ребята из свиты уже собирали навес. Но тут я увидел Ассам и забыл обо всем на свете. Он стоял, накрытый синей шелковой попоной, без уздечки и седла. Огромный, выше Каурого в холке, но много изящнее и хищнее, тонким по сравнению с телом ногам, казалось, нет конца. Ассам нетерпеливо переступал ногами на месте, фыркал и скалил зубы на мрассу, который его привел за белую шелковую ленточку, привязанную к шее прекрасного животного. Конь был черный, как вороново крыло, как антрацит, как кусок полированного мрака. Косил на меня огромным карим глазом, как будто все понимая.

Я шагнул к нему, но Ассам натянул ленточку и попятился, оскалив зубы. Понятно, Азамат оплатил за загадки с подвохом, подарком с сюрпризом. Видно, немало тех, кто захотел сесть на спину этому коню, лечат руки-ноги.

– Послушай меня, Ассам, ты не будешь мне слугой, я хочу стать твоим другом. Нас ждут дальние дороги и немалые опасности, но ты можешь положиться на меня: я не брошу тебя, я не оскорблю тебя ударом кнута, я надена на тебя седло только для того, чтобы не натереть тебе спину. Я никогда

не надену на тебя уздечку, никогда тебя не коснутся шпоры. Я не могу обещать тебе легкой жизни, но знаю, что о нас с тобой сложат песни и все люди и кони будут завидовать нашей дружбе, если сейчас ты пойдешь со мной, – поклялся я, в надежде, что если лошади не понимают слов, то чувствуют эмоции.

Ассам, когда я начал говорить, перестал пятиться и с интересом прислушался, когда я закончил, он сделал шаг вперед. Я остался на месте, предлагая коню сделать окончательный выбор самостоятельно. Ассам мотнул головой, подцепил мордой белую ленточку, мрассу тут же ее отпустил. Выскользнув из попоны, вороной подошел ко мне, крепко укусил за плечо и встал рядом. Союз заключен, и я еще раз дал слово, на этот раз самому себе, что не нарушу данной сейчас клятвы.

Азамат искривил лицо в улыбке, больше похожей на оскал, отрывисто произнес, как пролаял:

– Дайте ему попону и седло. Прими и не благодари, завтра я все верну себе обратно, когда Славен падет или заплатит.

Царевич-мрассу уже повернул было коня, но в последний момент развернулся и спросил:

– А ты, Василий, знаешь ли еще загадки?

«Знаю ли я еще загадки, да, конечно, знаю, это у вас тут Интернета нету, и «Мурзилку» вы в детстве вряд ли читали. Чтобы спереди погладить, надо сзади полизать⁴⁹. Мы ребята

⁴⁹ Почтовая марка.

удалые, ищем щели полове⁵⁰. Как хорошо тебе и мне, я под тобой, а ты на мне⁵¹. Да им счета нет, этим загадкам, только вспомнить надо». Все это пронеслось в моей голове, но ответил я коротко:

– Да, знаю.

Азамат больше ничего не сказал, развернул своего белого скакуна и унесся в лагерь мрассу, только куски земли полетели. Свита рванула следом, оставив на траве попону и богатое кожаное седло, расшитое бисером и жемчугом, с серебряными стременами и одного из сынов грома, который был должен проводить нас через лагерь мрассу.

Я одел седло на Ассама, попону свернул, почесал его за ухом, приторочил сумы, запрыгнул на коня, не касаясь стремян.

– Васька, подъедь к Каурому, пусть познакомятся. Токо ухо держи востро, вдруг задерутся, тогда тебе, главное, с Ассама слезть, чтоб не помяли, а я их по-своему угомоню, – сказал Косматко, уже верхом на Кауром.

– А что, Тимофей Тихонович, ты теперь в голову не лазишь? – поинтересовался я.

– А ты если бы хоть раз посрал через ухо, понял бы, какво это – тайновещание-то, или, как в вашем каноне бают, – телепатия. Слово какое поганое удумали – страсть. Телепает телепат, телепается, если долго так протелепает, скоро рас-

⁵⁰ Мыши.

⁵¹ Ежик несет яблоко.

клепается, – изгалялся Косматко.

Я слегка сжал коленями Ассама, тот подошел к Каурому, они обнюхались, довольно равнодушно, не пришлось Косматке особыми умениями пользоваться. И теперь втроем, с Азаматовским мрассу, мы поехали к Славену.

– Ох, и зря ты, богатырь, Азамату сказал, что еще загадки знаешь, – посетовал тайновещатель, – теперь ты ему – кость в горле.

– Что так? – полюбопытствовал я. – Чем не угодил, не пойму. Тем, что в состязании его победил, так он вроде даже не расстроился. Или из-за Ассама?

– Ну за Ассама, то отдельная история. Он хоть его и ценил, за жеребят, однако до тебя на нем никто не ездил. Тот Рикжан – единственный, кто его привести мог, Ассам его с жеребьячьего возраста знает. Слышал же, Азамат его вернуть надеется. А вот то, что ты свои загадки другим мрассу рассказать можешь, – это и вправду для него беда. Он на все пойдет, чтобы этого не произошло, так что держи ухо востро, богатырь. Нажил ты себе лютого врага.

Я ничего не ответил, глазел по сторонам на мрассовский лагерь, который раскинулся по обе стороны дороги. Тысячи разномастных шатров стояли повсюду, дымили костры, вдоль дороги собралась толпа любопытствующих. Так, глядя, без особых происшествий, мы добрались до городских ворот. Подъемный мост был опущен, на нем стоял конный отряд витязей во главе с Осетром. Как только мы въехали

на мост, сопровождавший нас мрассу развернулся и поехал в лагерь. При въезде в город перед воротами стояли пушки странного вида, широкоствольные, на стальных лафетах, здорово похожие на гаубицы времен Второй мировой, при них Кудло сотоварищи. Кудло с гордостью указал на пушки, дескать, смотри, чего наваял. Я кивнул и поехал за Осетром.

Глава 8

Здесь тебе не там

Рядом с Осетром ехал Косматко и рассказывал о наших приключениях, оба изредка поглядывали на меня, усмехаясь. Я молчал, поглядывая вокруг, искал Зарю и Леха. Но их нигде не было видно.

Спешились возле казарм, Осетр крепко стиснул мне руку и сказал:

– Коня устроишь – приходи ко мне.

Я молча кивнул, еще раз удивленно поняв, что подчиняться воеводе легко и приятно. Такая сила и правота в этом человеке, что даже сомнений не возникает в правильности его решений, настоящий генерал.

Ассама я привел в богатырскую конюшню, расседлал, почистил, проследил, чтоб его устроили не хуже, чем Каурого Косматко в своем зиккурате, натаскал ему свежей воды, пошел в свою комнату, умылся, сменил пропотевшую одежду и отправился к Осетру. Зари по-прежнему нигде не было видно. Не встретил я и Леха, ни во дворе ни возле воеводиных палат.

Светлицу воеводы можно было отыскать по громогласным раскатам хохота, доносившимся оттуда. Когда я вошел, увидел в центре светлицы Косматко, который явно изображал

Азамата в момент, когда тот отгадывал загадки. Азамат у него вышел совсем не похожий, но полный жадности и глупости и строил уморительные рожи. Тут черед дошел до меня, я у Косматки был изображен, как полный достоинства и мужества мудрец, снисходительно разъясняющий Азамату смысл бытия. Но, увидев меня, Косматко прервал представление и указал на меня. Находящиеся в комнате богатыри и гридни, знакомые и незнакомые, уставились на меня во все глаза, на секунду воцарилась тишина. И... взорвалась восторгами и здравицами, грохнуло троекратное «слава!», каждый старался подойти, пожать руку, обнять, незнакомые наперебой знакомились, знакомые стучали одобрительно по спине и плечам. Словом, я теперь местная знаменитость, похоже.

Осетр подошел, крепко пожал руку, снял с пояса кинжал, сунул мне за пояс, торжественно произнес:

– Держи, заслужил. Нарекаю тебя княжеским отроком в младшую дружину. Пойдешь под начало... – Тут он помрачнел, развернулся и гаркнул: – Тихо!!! Хорош орать и веселиться, враг у ворот!

В светлице все затихли, стали усаживаться на места, улыбки померкли, лица посерьезнели. Осетр продолжил, обращаясь к одному из гридней:

– Сивуха, ты давно служишь, возглавишь младшую дружину, пока Лех не вернется. Или пока... В общем, временно его место займешь.

– Слушаюсь, – ответил гридень, вставая. – Не посрашим Русь, воевода.

– Садись, воин, и ты присядь, Василий, будем совет держать.

Как по волшебству рядом со мной появился табурет, кто-то из отроков, теперь сослуживцев моих, расстарался. Эх, теперь бы имена всех бы выучить, а то неудобно.

– Скажи, Тримайло, когда последний раз Леха видел? – спросил Осетр.

– Возле Косматкина болота расстались, больше не видел, – ответил я.

– После этого от него шептун прилетел про мрассовцев, и все, с тех пор ни слуху ни духу, – посетовал Осетр. – Ладно, если жив – объявится. А теперь слушать меня! К князю посол был от поганцев, сказал слово султана: завтра на рассвете русы уплатить должны по золотому за каждого жителя Славена, всех коней, коров и баранов отдать, признать при свидетелях себя данниками Амана, и признать все войско русское войском черных мрассу, и по велению халифа белых мрассу или султана черных мрассу участвовать в походах басурманских.

По светлице пробежал недовольный ропот, раздались возмущенные возгласы: «Чего захотел», «Накося – выкуси» и прочее в таком же духе, в основном непечатное.

– Цыц, тихо, дайте сказать, – побагровев, заорал Осетр. Перевел дух и продолжил: – Если откажет князь славенский

Всеволод в просьбе султанской, на рассвете быть сече, мрасовцы обещают город пожечь, горожан побить, в живых никого не оставить, даже в полон брать не будут. Стены сровняют с землей, а пожарище засыпят солью, чтоб лет двадцать на месте Славена ничего не росло, и только звери лесные землю соленую грызли. Князь Всеволод, подумав, велел вече созывать, всех горожан на площади перед детинцем. Уже глашатаи по всему городу о слове султанском кричат и народ к детинцу сзывают. Времени приготовиться у нас где-то часа два-три, не более: всем тысяцким на стенах караулы удвоить, на воротах утроить, всех, кто от стен и ворот свободен, без копий и щитов, только кольчуги, мечи охотничьи⁵², – на площадь. Старшая дружина с гриднями, кольчуги под епанчами спрятать, шапки с кольчужным подбоем надеть, никаких шеломов, разрешаю только кинжалы да пистолы, но так, чтоб не напоказ. Младшая дружина с купеческим ополчением, возле казарм собраться, сигнала ждать. Вам железо любое разрешаю, кроме копий, они в большой толпе без надобности. Как народ на площади соберется, на главной башне княжеский стяг развернут⁵³. Тогда, Сивуха, ты своих на четыре кустодии⁵⁴ разбей и с четырех сторон площадь отроками и купцами запрешь наглухо. Вот гляди-ка.

Осетр на столе развернул пергамент, я подошел следом и

⁵² Короткие и широкие.

⁵³ Лик Христов на черном поле.

⁵⁴ Кустодия (здесь) – отряд вооруженных людей (*лат.*).

заглянул ему через плечо.

– С северо-востока и юго-востока двинет чернь, из Речной слободы, Нижнего Славена, Кузнецкого и Черного посадов. Мокрый шлях и Протасовскую я приказал закрыть от греха подальше, так что деваться им некуда. По Сабельному проезду, Ножику, Булатной и Дикопольской попрут. Туда больше всего людей поставишь. Если по-хорошему все получится, с башни княжий стяг уберут. Тогда кустодия, что Булатную держит, пусть отступит до Оружейного рынка, и займет оружейные ряды, и охраняет их, пока конный полк Петрухи Жеребцова не прибудет. Те, кто Дикопольскую запрут, отступят на Сабельный проезд и там ждут, пока я сам их не сниму. Кустодия, что на Торговой будет, на Протасовскую двинет до самой Дикопольской и приказа ждет. Бойцы, которые Красную охранять будут, на месте остаются, пока тысяцкий Дегуня их в казармы не отправит. Если добром с народом не разойдемся, на площадь не выходить, там без вас разберутся. Ту кустодию, что на Дикопольской будет, сам возглавишь. Если народ, убереги господь, буяннить станет, до ножей дойдет, ты со своими – на Протасовскую бегом, и там насмерть стоять. Пусть бегут хоть до Степных ворот, там Кудло с пушками, Сердюк со стрелками отстоят порядок. Кустодии на Булатной в таком разе, засеки сделать, бревна уже на месте, оборону в круг, вас обойти могут с дикопольской стороны, не бойсь, не бросим, Жеребцовская тысяча, как смердов со Славенской площади отожмем, вам на помощь придет. Сиг-

нал отступать только для Булатной и Дикопольской: рядом с княжим стягом – красное полотнище. Остальным стоять – никого не пропускать. Боярские и купеческие старшины упреждены, их люди нам на площади помогут, а в случае чего и подождать согласны. Старшим кустодий держать дозоры на улицах Протасовской, Армянской, на Мокром шляхе, Сабельном проезде, Ножике. Особо глядеть за Армянской и Протасовской, если проспим, запылает Купецкая слобода – считай султану ворота откроем. Если кто чего не понял, милости прошу – сейчас скажите! – После небольшой паузы Осетр продолжил: – Тогда бегом приказы исполнять, времени в обрез!

«Вот и служба, снова в строй, страна зовет, пора в поход», – радостно подумалось мне, когда бежал к себе, на площадь собираться. Тяжело бывает стране своей помогать, а сердце поет. В такие моменты мужчина понимает, что родился он не для того, чтобы в офисе жопу давить и в ресторанах пузо отращивать, а именно для этого – служить и защищать. В комнате кто-то порядок навел, грязную одежду унесли, на кровати – свежая чистая рубаха, пол подметен и вымыт, на столе в глиняной крынке – полевые цветы: красота. На сердце потеплело: Заря, Зорюшка, Заринка. Ну слава богу, здесь любимая, еще свидимся. Быстро оделся: кольчуга, шлем, наручи, сапоги, поножи. Взял большой каплевидный щит, меч, кинжал – готов молодец. Только бы не пришлось своих бить, нету в этом никакой славы.

Подошел к казарме, там уже от блеска начищенного металла глазам больно. Сивуха, из сыновей грома, возвышался над толпой простых отроков, как скала в море. За ним стояли еще с десятков таких же богатырей, в полной амуниции. Я присоединился к ним. Сивуха меня заметил, кивнул. Через полчаса, как видно, все собрались. Площадка перед казармой и все окрестные улицы были забиты вооруженными людьми. Сынов грома стало уже человек тридцать. Сивуха назначил командиров отрядов, те стали народ делить и строить. Мне приказал идти с ним на Дикопольскую. Наш отряд построился по двое, мы с Сивухой впереди, забегали меж нами иноки в черных рясах, произнося молитвы и кропя святой водой. Не успели священники молитвы произнести, как на главной башне детинца захлопало на ветру огромное черное полотнище. Сивуха молча двинулся на юго-восток. Колонна наша двинулась по пустынным улицам Славена, почти бегом мы пришли на широкую, мощенную дубовым горбылем улицу где-то через час. Сивуха крикнул:

– Мы на месте! Занять всю ширину Дикопольской и двигаться к Славенской площади!

Воинство, пытая и отдуваясь, – все-таки за сынами грома угнаться не так просто, – стало заполнять широкую Дикопольскую железным потоком, и с Протасовской улицы выходили все новые и новые шеренги, их шествие казалось бесконечным. Сколько же мы народу сюда привели? Не меньше нескольких тысяч, вот тебе и кустодия – считай, добрая ди-

визия. Шли мы, пока не увидели толпу людей, которые стояли, сидели вдоль стен, висели гроздьями на фонарных столбах. Над людским морем разносились слова князя: «...если сделаем по слову Анатолия и уплатим Аману, много жизней убереем, но души свои не спасем, Русь Святую с заветами ее попраем. Не золото дорого, не серебро, что металл – тлен и суета, что богатства земные перед вечным сиянием истинной веры. Если станет дружина княжеская по слову султанскому города православные зорить, храмы рушить, кто сердца их сохранит от скверны. Опоганятся, среди язычников жен станут брать, зашатается правда в душе, запоют со слов чужих о Бархударе и прочих идолах. Христос Спаситель наш креста не убоился, кровь пролил и смертью смерть попрал за нас грешных. Великую муку принял, вкус предательства и суда неправедного испытал. А ведь мог отступить, и миновала бы его чаша сия. Мог признать, что он не сын Божий и не Спаситель, а простой человек, сын Иосифа и Марии, оговорили его, и он не призывал разрушить храмы и низвергнуть ложных богов и кесарей. Но тогда, что бы стоили все его призывы воздвигнуть Храм в душе, освободиться от неправды бесовской. Можно молиться словами, а есть и иная молитва – поступком. Сегодня этот выбор – перед вами, жители стольного Славена. Говорю «перед вами» не потому, что отделил себя от вас, а потому, что выбор свой я уже сделал. И если решите платить, пусть так. Но я, с верными своими, басурманам не слуга, ибо сказано у апостола Матфея: «Ни-

кто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне»⁵⁵. У меня господь один: Иисус Христос, Сын Божий. Ему и послужу, как умею. Если решите под руку басурманскую идти, отрекусь от престола дедина и отчего, приму бой, быть может, последний. Мертвые сраму не имут. Кто со мной, у воеводы записывайтесь, он вам оружие и броню выдаст, завтра оросим кровушкой землю Русскую, во славу Божию. Так какой ваш ответ мне, други православные?!»

На секунду мне показалось, что началось землетрясение: всколыхнулось людское море, и восторженный рев разнесся по округе, заговорил народ в полный голос. Кричали все: люди на площади, воины у меня за спиной, все как один. Затем стало потише, можно было различить отдельные возгласы: «Слава князю!», «Не посрадим!», «Ответим басурманам!» и другое, но в том же ключе. Ясно, что жители Славена постановили. Завтра – в бой!

Постояли мы еще с час, народ задвигался и начал по одному, по двое, группами побольше расходиться, подходить к нам, спрашивать, когда идти домой можно будет. Сивуха всем улыбался, объяснял, что вот-вот. Но княжеский стяг на башне реял, как и прежде. И тут вдруг произошло неожиданное: рядом с княжим стягом поднялось и затрепетало красное полотнище. Сивуха побледнел, но виду не подал, руку

⁵⁵ Евангелие от Матфея, 6:24.

поднял, и стали все воины потихоньку на Протасовскую отступать. Народ не напирал, стоял спокойно, ждал, когда мы им дорогу дадим, на лицах воодушевление. Не слышно было ни криков, ни пальбы. Просто не верилось, что после такой речи, после чувства всеобщего объединения перед лицом страшной угрозы где-то там сейчас русские бьются с русскими.

На Протасовскую кустодия втянулась быстро, минут за десять. По сравнению с Дикопольской, здесь было тесновато, тем более что задние шеренги напирали на передних: очень всем хотелось посмотреть, что происходит. Но Сивуха быстро порядок восстановил: приказал строй держать, задним шеренгам разослать дозоры по близлежащим улицам и переулкам. Самого быстрого отправить на Славенскую площадь к Осетру, узнать, как дальше быть.

А тем временем народ шел мимо нас бесконечной рекой, никто не нападал, более того, некоторые махали нам руками в знак приветствия, а пьяная компания, человек в шесть, нестройными голосами затянула «Многая лета, многая лета...», что было благосклонно принято окружающими, и скоро здравица зазвучала многоголосым хором. Но красное полотнище вместе с черным трепетало на башне детинца зловещим знаменем бунта и братоубийства.

Меня же беспокоило странное чувство незримого присутствия. Какое-то неуловимое движение в уголках глаз, как будто кто-то прозрачный и очень быстрый крутился на гра-

нице видимости. Но при повороте головы снова уходил за незримую границу. Что ж, настала пора воспользоваться новыми навыками, и я замедлил время и увидел, что над толпой мельтешат прозрачные тельца смешных, уродливых человечков, они летят в сторону Степных ворот и утыкаются в радужную стену, но не оставляют своих бесплодных попыток, а бьются и бьются, но стена не пропускает их на ту сторону. Смысл происходящего ускользал от меня, так что я вернул себе обычное ощущение времени в надежде расспросить Сивуху. Но тут все разъяснилось само собой, из задних рядов пришла весть, что всадник от Осетра прибыл, кричит, что в княжеском тереме – измена, на башне флаг подложный, но снять его нельзя, в башне – мрассовцы. Пока их оттуда выбьют, будет страшная беда: шептуны до Степных ворот не долетают, а у Кудла с Сердюком приказ – по народу стрелять. Нужно нарочного к воротам слать, а Дикопольская народом забита, никак не пробиться. «Так вот они какие, шептуны-то», – не к месту подумалось мне. Я вдруг со страшной ясностью осознал, что сейчас произойдет. Водушевленная, мирная толпа сейчас напорется на снаряды и пули охраны Степных ворот. Даже если жертвы будут невелики, весть об этом разнесется по всему Славену. Готовые сражаться за князя окраины будут возмущены и захотят отомстить. По всему городу пройдет волна стычек с дружиной, как неизбежность – пожары и новые жертвы. А завтра город вряд ли будет способен на ратный труд, мрассу попрут со

всех сторон, считай, победа у Амана в кармане.

Я выглянул из-за угла, увидел только головы и спины – не пробиться, а время уходит, первые ряды уже недалеко от пушек. И я стал, впервые в жизни, искренне молиться: «Господи, убереги, господи Иисусе Христе, Сыне Божий, вразуми, помоги. Помилуй нас грешных, отведи напасть. Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь». И произошло чудо! Нет, не было никаких архангелов с пылающим мечом, ничего такого. Я вдруг понял, что нужно делать, даже мимоходом посетовал на самого себя. Стоит дубина стоеросовая, шесть метров с гаком роста, защитник Земли Русской, и помощи просит, когда действовать нужно. Спасибо тебе, господи, за вразумление!

Все это я думал, уже карабкаюсь на крышу близстоящего дома. Ускорив время, я понесся по крышам, со всей прыти перескакивая с дома на дом, как белка, только черепица деревянная и керамическая во все стороны полетела. Радужную стену, для шептунов препятствие, проскочил, даже не заметил. За считанные секунды показались и приблизились башни Степных ворот, я через них в город попал. А вот и пушки. Кудло стоит, разинув рот и подняв руку, пушкари застыли возле пушек, взялись за веревки спусковых крючков гаубиц (смотри-ка, а ведь смог Кудло новые знания применить), за пушками на наспех сколоченном деревянном помосте стояли два десятка стрелков, целились из своих пищалей в толпу, до которой осталось едва полтора десятка метров.

Понимая, что не успеваю, я все же задрал все гаубицы в небо, все стволы пищалей туда же. Вернул себе обычное восприятие времени, заорал: «Не стрелять, красный флаг подложный!» – и повалился на землю – слишком много сил отняла у меня гонка по крышам. Одновременно с моим падением грохнул залп из всех орудий и ружей, даже уши заложило. Через секунду надо мной склонился Кудло и как сквозь вату спросил:

– Васька, ты чего?

Над его головой в небе цвели белые цветы разорвавшихся снарядов, гляди-ко шрапнель, и до этого додумался талантливый пушкарь.

Обретя дар речи, я снова заорал:

– Не стрелять!!!

Кудло успокоил меня:

– Да поняли уже, не стреляет никто. Ты-то откуда взялся, прилетел, как ведьма на метле, приказ княжеский хаешь...

– Мрассовцы башню захватили. Как там и что, не знаю. Слава богу, успел.

Я поднялся с земли, посмотрел вокруг. Две из пяти пушек валялись на деревянном настиле Дикопольской, видно, отдача повалила. Шесть стрельцов поднимались с земли после падения с помоста. Служивые с недоумением смотрели на меня. Толпа уже двигалась мимо Степных ворот, растекаясь по своим Подстенным, Мясницким, Глиняным и прочим улицам и переулкам. Многие с недоумением поглядывали

вали на нас, но почти все смотрели в небо на диковинный фейерверк. Кудло сказал:

– А что, красиво. Надо бы такое по праздникам устраивать, особенно в Масленицу. Как назовем, Тримайло?

Тут наш разговор был прерван треском и грохотом: крыши, по которым я бежал, провалились в дома. Как я потом узнал, никто не погиб, слава богу – еще одно чудо! – только один старичок с перепугу обрел половую функцию, но ему это только на пользу пошло!

– Да, – только и смог сказать я, а подумал: упс, а назовем бигбадабум⁵⁶, как тебе?

– Бикбумбад? – переврал Кудло. – Странное какое-то слово, будто с Оловянных островов. Может, сполох?

– Сполох, так сполох, – согласился я, – кстати, если добавить в порох соль, камедь, квасцы, нашатырь, серу и селитру, получится разноцветный сполох. У тебя выпить есть?

– Как не быть, обижаешь, Василий, пойдем в караулку! – оживился Кудло.

В караулке нас ждала бочка зелена вина, браги по-нашему, мне притащили ведерный ковш, Кудло пил стаканами. Брага была крепкая, но все же не водка. В процессе употребления я рассказал хохлу про самогонный аппарат, что вызвало у пушкаря неподдельный интерес. Тут меня и нашел Осетр, слегка захмелевшего, размахивающего копченым окороком, с энтузиазмом делящимся с Кудло рецепта-

⁵⁶ Бигбадабум – так Лилу из «Пятого элемента» Люка Бессона называла взрыв.

ми очистки спирта.

Воевода с грохотом влетел в караулку, поднял меня на ноги, крепко прижал к груди и троекратно расцеловал.

– Ай да Васька, ай да молодец. Хоть и пьешь, зараза, на службе! В другой день тебя бы в холодную за это! Но не сегодня. Ты хоть понял, что ты для Славена и князя сделал, пьяная морда?! Наливай и мне, Кудло, выпьем за счастливое избавление от напасти!

Как только Осетр выпил браги, с Кудло начало твориться неладное. Он начал разевать рот, выпучивать глаза, в воздухе разнеслось зловоние. Осетр вытащил из камина пылающую головню и принялся ею размахивать вокруг пушкаря. Через минуту все прекратилось.

– Шептуны прорвались, коза их задери. Раньше надо было вонючкам поспешать, теперь уж чего, – объяснил происшествие Осетр.

Я был не в настроении вопросы задавать, всему свое время, но о важном поинтересовался:

– Мрассовцев из башни вышибли?

Осетр помрачнел, но ответил ровным голосом:

– Нет, засели крепко, черти! Башня построена так, что там год сидеть можно и хоть от полка отбиваться. Орали нам, что своих дождутся! О как! Мы их с нашей стороны замуровали – пусть сидят до морковкиного заговения. Ай, да ну их, тут другое – измена, прямо в княжеских палатах, вот беда, хуже некуда! Но про то отдельный разговор. Наливай, Кудло,

выпьем за Ваську Тримайло, за нового княжеского гридня, держи кошель с золотыми и саблю, принимай почет и знак на грудь.

Осетр с поклоном передал мне золоченую саблю в богатых красных ножнах, инкрустированных эмалью, рубинами и изумрудами, здоровенный кошель, полный золотых, и серебряную гривну⁵⁷ на серебряной же цепи, на которой матерого кобеля держать можно. Я с поклоном все это принял. Приятно, когда награда находит достойнейшего из героев, чего там говорить. Выпили еще по одной, да и разошлись. Кудло в караулке захрапел, Осетр куда-то по своим делам заспешил, а я напялил на себя обновы: кошель к поясу привесил, гривну на шею, саблю на пояс – мечу в противовес и пошел к себе.

В комнатушке моей все было в порядке, у дверей моих щит кто-то положил. Молодцы ребята, не забывают, и я вас не забуду. Разделся я, повалился в кровать...

И уже привычный голос: «Демоны распределяются по чинам. Первый чин – псевдобоги под предводительством Вельзевула. Второй – духи обмана во главе с Пифоном. Третий чин – демоны-изобретатели под властью Белиала. Четвертый – духи-каратели с покровителем Асмодеем. Пятый чин – демоны-фокусники с князем Сатаной. Шестой – демоны чумы и воздушных болезней под руководством Мерезина. Седь-

⁵⁷ Здесь – нагрудный знак в виде большой фигурной пластины с цепью, надевался на шею, до винта или английской шпильки еще не додумались.

мой – демоны войн и раздоров с вождем Абалдоном. Восьмой чин – демоны-обвинители с властелином Астаротом. Девятый чин – демоны-искусители под руководством Маммона».

Все вышеприведенные сущности до того, как были демонизированы, имели свои собственные истории, достойные отдельного исследования. Но остановимся на руководителе искусителей: Маммоне.

В первоначальный период существования человеческого общества господствовало натуральное хозяйство, в котором производилась продукция, предназначенная для собственного потребления. Постепенно в интересах увеличения производства, а в определенной мере под влиянием природных условий (например, таких как условия для развития животноводства, земледелия, рыбной ловли и т. д.) происходила специализация людей на изготовлении определенных видов продукции. При этом возросшее количество продукции оказалось возможным использовать не только для удовлетворения потребностей производителя, но и для обмена на другую продукцию, необходимую данному производителю. Такова важнейшая предпосылка возникновения обмена продукции. Обмен продукции, в натуральном виде, породил необходимость в некоей универсальной единице, которая являлась бы мерой стоимости, например, быки у славян, корабли у викингов. Такие единицы со временем стали применяться в определенных местностях, и для удобства их сделали более

компактными, чтобы упростить их перемещение в места обмена. Эволюция универсальных единиц привела к появлению денег.

Так или примерно так описывают в экономической литературе возникновение денежного обращения. Этот вариант подкинул всем Маммона, чтобы убедить, будто его и вовсе нет. Это их любимый фокус, демонов-то, убедить всех в собственном отсутствии, чтобы проще было работать.

Собственно, с работы все и началось. Демоны верят в две вещи: в силу и в судьбу. В бога или тем паче дьявола им верить незачем. Они точно знают, что оба существуют, и почти одинаково ненавидят их и боятся. Но при этом не прочь занять место одного или другого. И если богом они стать только не прочь, то занять место Дьявола они желают страстно, с рождения и до поглощения. Смерти среди нечистой братии не существует, но остаться отдельной личностью, вне группировок и подчинения, невозможно, а если демон слабеет, его поглощают более сильные.

Появилась нечистая братия, когда Дьявол стал выделять из собственной сущности более мелких тварей, чтобы они делали для него работу: сбивали с пути праведников, соблазняли аскетов, подбивали на подлости честных и т. д.

Поначалу, после сотворения мира, змей справлялся и сам, так как людей было мало – единицы. Дело в том, что выбор меж праведным и неправедным могут делать только люди. Соответственно все остальные птички-кролики неподсудны,

а самое главное – выделяют мизерное количество негативной энергии, в которой так нуждаются демоны. Даже нападение стада гиен на беззащитного олененка – ничто против похищения чужой диссертации. Клыками за плоть хватать и кусты ежевики могут, а утащить чужую идею: тут и артистизм, и немалая смекалка, и переживания – для демонов все это слаще эклеров.

Соответственно, когда количество людей возросло, враг рода человеческого поначалу купался в энергии, и силы его возросли многократно. Но трудно стало поспевать за растущим человечеством и пришлось создавать армию. Поначалу это были совсем простые существа, с ограниченной волей и недалеким умом, в просторечии – черти или бесы. Их дело простое – собрал энергии, отправь хозяину в геенну огненную. Но по мере усложнения задач нужны были более самостоятельные и умные исполнители. Так появились демоны. Первоназванные, или демоны первого чина, были спешно набраны из исчезающих богов, которые предпочли небытию и забвению службу темным силам. Немало помогли и Люцифер со своими падшими ангелами, чин ему, правда, не достался при всей его силе и влиянии, оно и понятно – перебежчик⁵⁸. Но и этого оказалось мало, и дьявол решил созда-

⁵⁸ Там какая-то войнушка была между ангелами из-за того, что Люцифер сел на божественный трон в отсутствие бога (?), а бог, видимо, в домино играл (намек на фильм «Догма» Кевина Смита). Когда хозяин трона вернулся из командировки (или отпуска), Люцифер так просто расстаться с властью не пожелал, призвал присных поклоняться ему. Среди ангелов произошел раскол, и после

вать себе помощников. Некоторые, как Мерезин, были синтезированы с помощью магии из вечно свободных духов воздуха. Некоторые выделены почкованием, как Белиал, кой-какие воспитаны из людей – Абалдон и Астарот, а наш герой – наполовину дьявол, наполовину человек. Да-да, Маммона – сын дьявола и женщины, вернее сказать – ведьмы.

Традиционно совокупление с черным козлом, в которого вселяется сам отец зла, проводится каждую Вальпургиеву ночь⁵⁹ в каждом уважающем себя приходе дьяволопоклонников, но только мать Маммоны подошла к вопросу с полной самоотдачей: угрожая черной булавкой, намазанной ядом, она разогнала всех конкуренток и упражнялась всю ночь, число попыток стать матерью дьяволенка перевалило за десяток, а именно, их было тринадцать. А под утро Эвелина, так звали ведьму, вдобавок простояла на голове целый час. Подобная настойчивость не могла пропасть втуне, тем более что Эвелина провела таким образом шесть Вальпургиевых ночей. И все получилось – в ее чреве начал свой путь наш герой.

Как только дьявол узнал про сына, а это произошло с момента зачатия, за матерью, ведьмой Эвелиной, установили слежку, выделили охрану. Но не уследили: младенец утонул

этой размолвки бог низверг Люцифера и компанию в мир, где их пристроил к делу сами знаете кто.

⁵⁹ Вальпургиева ночь – ночь с 30 апреля на 1 мая.

при купании, через три дня после родов⁶⁰. Его душа тут же рухнула в ад, отягощенная тяжелой наследственностью. Лет через сто сынок созрел для деяний, и вот тут начались настоящие трудности. Чей ты сын, в демонском сообществе не наплевать (как и в любом другом), но дитяте хотелось состояться, доказать рогатому папаше, что отпрыск его не хухры-мухры с маслом. А мерило всего в демоническом мире – черная энергия, которую ты отправляешь ужасному властелину. И здесь не смухлюешь, очков не вотрешь, сколько пришло, ровно столько босс и почувствует.

Маммона, не чинясь, брался за любую работу, таскал души грешников к мучителям, топил печи в аду, наполнял котлы смолой. Но, несмотря на энтузиазм, очень быстро понял, что таким путем нарубить адской черняшки много не получится, ведь зарабатываешь только десятую часть от того, что даешь. Один старый чертяка, из адских мучителей, верно подметил: сюда всегда успеешь, приходи, когда ничего другого не получится.

Маммона сунулся в серьезные учреждения, к демонам при чине. Но они его не особенно жаловали, побаивались папашу. Судите сами: если сынок начнет делать успехи, можно и поста лишиться, а проявит себя как деградант и неудачник, князь тьмы начнет искать виновных. И снова глава ведомства – самый вероятный кандидат: зажал-де дитятины ини-

⁶⁰ История мутная, кто-то явно помог младенцу покинуть мир людей, но вот силы света или свои же – демоны, поди разбери.

циативы, задавил талант в зародыше, а там и до поглощения недалеко.

Еще через сто лет Маммона понял, что мафию нельзя победить, но ее можно возглавить. Стало ясно – без собственного ведомства чин не получить, ресурс в виде разрешения плодить сущности и вербовать смертных тем более не светит. Но, чтобы получить ведомство, надо иметь обширные владения в человеческих отношениях.

Здесь вылезла настоящая проблема: все сферы человеческой жизни жестко поделены между восьмерыми чиновными демонами и Люцифером. Просто иголку некуда воткнуть, чего ни коснись – вождение, богатство, власть, – все греховные помыслы принадлежат конкретному демону. Но, унаследовав от матери упорство и отвагу, от отца изобретательность и ум, наш герой не сдавался. Он стал внимательно изучать уклад жизни людей. Особенно ему понравилась торговля, он видел в ней немалый потенциал. А главное, торговля сама по себе никому формально не принадлежала. Всю негативную энергию от сделок поглощали те демоны, которые курировали предмет обмена: если обменивали землю на вола, то выделенная энергия делилась между Абалдоном (по его ведомству проходит земля) и Белиалом (домашний скот и дикие звери), если же в обмене крылся обман, подключался Пифон.

И тут двухсотпятидесятилетнего подростка осенило: все, что происходит в мире людей, демоны приводят к единому

эквиваленту: негативной энергии, она для демонов мерило всего. Дальше проще, метнулся к родителю, изложил суть идеи: создать эквивалент стоимости – деньги, и вот уже вождь чин и ведомство.

Маммона сам не ожидал, сколь плодотворной окажется его идея. И теперь по праву главенствует над демонами-искусителями. Другие чиновные демоны-управленцы его не особенно жалуют: без малолетнего выскочки теперь не обойдешься. Торговля, это бы еще ладно, но ни война, ни толковый кризис, ни даже стихийное бедствие – ничего не проходит мимо Маммоны, все приносит сыну босса дивиденды (что неудивительно: дивиденды тоже он изобрел).

Пришествие денег изменило мир в корне, результат этих изменений виден каждому. Трудно сказать что-то новое о деньгах, поэтому обратимся к уже сказанному: «Деньги заколдовывают людей. Из-за них они мучаются, для них они трудятся. Они придумывают наиболее искусные способы потратить их. Деньги – единственный товар, который нельзя использовать иначе, кроме как освободиться от них. Они не накормят вас, не оденут, не дадут приюта и не развлекут до тех пор, пока вы не истратите или не инвестируете их. Люди почти все сделают для денег, и деньги почти все сделают для людей. Деньги – это пленительная, повторяющаяся, меняющаяся маски загадка».⁶¹

⁶¹ Кэмпбелл Р. Макконнелл, Стэнли Л. Брю. Экономикс, т. 1. – Баку: Азербайджан, 1992.

Глава 9

Поездка за город – всегда весело

Очнулся я от сильного запаха бензина и от вспышек света. Ноги-руки затекли, не пошевелиться. Находился я в каком-то небольшом, ограниченном стенками и крышкой пространстве, в позе зародыша, руки скованы спереди наручниками. Хреновы любители, кто же такого здорового мужика спереди сковывает. Впрочем, им же хуже, мне же проще. На секунду я запаниковал: вдруг я в гробу. Не имея талантов Беатрикс Кидо из «Убить Билла»⁶², можно и окочуриться. Но, как только успокоился, понял, что я в багажнике той самой «шестерки», которая у Витькиного дома стояла. Это все объяснило: и запах бензина, и вспышки света. У «шестерки» бак в багажнике, и бензопровод прямо у меня под носом. А поскольку машина старая, крышка багажника неплотно прилегает: резинки износились, а может, их и вовсе нет, а крышка от бесконечных закрываний изогнулась дугой. И едем мы по трассе, время позднее, а свет фар встречных машин сквозь щели пробивается – отсюда и вспышки света. Что щели есть и свет загорается на пару секунд через примерно три-четыре секунды – просто замечательно. Не задох-

⁶² Фильм К. Тарантино. Главную героиню фильма запаковали в гроб и закопали, но она разбила крышку и выкарабкалась вверх сквозь толщу земли.

нужно и что-нибудь увижу, да и вообще веселее. При моих габаритах двигаться в таком положении непросто, ну да ничего, мне в полный рост выпрямляться пока ни к чему. Поднес руки к лицу, в стробоскопе встречных фар осмотрел наручники. Обыкновенные полицейские железки. Руки отекли – страшно смотреть: пальцы как сардельки. И снова неплохо, для того, что мне предстоит сделать, чувствительность только помешает. Сцепил я сардельки кое-как в замок и стал локти кверху тянуть. Цепь натянулась, но выдержала. Я передохнул – и снова, цепь снова выдержала. Ничего, посмотрим кто кого. И стал я тянуть и тянуть, раз за разом делая это все резче, насколько позволяло пространство. Поначалу я рывки считал, но потом сбился где-то на пятидесятом и включил голову. Не в том смысле, что еще что-то придумал, а в самом прямом – стал головой в сцепленные руки упираться и давить, одновременно разводя локти в стороны. Работка, я вам скажу, та еще. Руки болели нестерпимо, из-под наручников скуными струйками закапала кровь, тело покрылось потом, лоб распух. Но я не сдавался: ставки высоки, куда они меня везут – не знаю, а вот зачем – догадываюсь. Должна же цепочка разойтись, у нее звенья незапаянные. Когда уже казалось, что воздуха в моем узилище нет, на руках раскаленные обручи, а в жопе можно ложки полоскать, я решил посмотреть на результат. Среднее каленое звено (всего их три) разошлось совсем чуть-чуть, мало для того, чтобы ее расцепить, но вполне достаточно, чтобы в щель просунуть

зуб. Клыки из металлокерамики вполне подойдут. Еще одно усилие, нижний зуб не выдержал и откололся, но задачу свою, как хороший солдат, выполнил: звено разошлось, я расцепил руки и рухнул на дно багажника, с бешено колотящимся сердцем, но довольный. А за зуб вы мне еще ответите – пополнил я счет своих похитителей. Теперь карманы. Как я и думал, эти придурки меня обыскивать не стали. В связке ключей есть брелок в виде крошечного ножа. Я поковырялся в замке наручника на левом запястье, открыть его совсем нетрудно, надо только сдвинуть вниз крошечный стерженек, брелок жалобно тренькнул, и его крошечное лезвие сломалось, обломок глубоко впился мне в руку, я чуть не закричал от боли, но, прокусив себе губу до крови, сдержался. Записал на счет своих попутчиков и это. Отдохнул минуту и продолжил операцию по собственному спасению: отыскал обломок ножичка и снова засунул в замочную скважину на левом запястье, на этот раз все получилось: стерженек ушел вниз, и я освободил левую руку. А потом, слегка повозившись, – правую. Пришлось потратить несколько минут на то, чтобы растереть руки, которые тут же заныли со страшной силой. Но это хорошая боль – что болит, то живет. Потом я занялся ногами, я тер и щипал их, разгоняя кровь, а они отзывались противными мурашками, но я не останавливался, пока не почувствовал каждый пальчик. Затем я распрямил проволочное кольцо, которое держало связку ключей, и сделал двухсторонний крючок. Верхнюю часть я вогнал под реб-

ро жесткости крышки багажника, в нижнюю вцепился пальцами – не нужно, чтобы капот зевнул во всю пасть раньше нужного момента. Упереться спиной в крышку и подтянуть колени к локтям – пара пустяков по сравнению с предыдущими упражнениями. Теперь лишь бы пол выдержал, я стал выгибать спину и распрямлять руку и ноги, стало светлее, и в щель ворвался освежающий ветер, я не останавливался, и замок не выдержал. Мой крючок сработал так, что крышка не открылась. Теперь можно было осмотреться, и я приподнял капот. Машина неслась по какой-то трассе со скоростью не меньше ста километров в час, за ней ехали автомобили, некоторые догоняли и обгоняли ее, так что спрыгнуть на ходу – верная смерть. Теперь только ждать. Для такого дела, которое у меня с моими попутчиками впереди, людная трасса совсем не подходит. И верно, минут через десять-пятнадцать «шаха» резко сбавила ход и свернула на проселочную дорогу, запрыгала по ухабам. Следом никто не свернул, так что мне пора. Я отпустил крючок и вывалился на дорогу, прижав к животу руками колени. Дорога оказалась грунтовой, так что я даже не ушибся. Резко вскочил и убежал в придорожные кусты, присел и прислушался. Машина через десяток метров остановилась, захлопали дверцы, зазвучали удивленные и рассерженные голоса, клацнули затворы пистолетов. Подходящая музыка, если хочешь ничего не слышать, я развернулся и, стараясь не шуметь, потихоньку двинулся в окружающий лес. Неподалеку гудела трасса, но свет через

густые ветви деревьев и кустов не проникал. Я постоял полминуты с закрытыми глазами, чтобы привыкнуть к темноте, огляделся. Вокруг слабо прорисовывались силуэты лесных обитателей: елей, берез да осин. Среди путаницы подлеска просматривался провал, оказалось – тропа, и я затопал по ней, подальше от моих «перевозчиков». Ничего, даст бог, свидимся.

А впрочем, чего миг встречи оттягивать-то, если можно увидаться прямо сейчас. Я остановился и призадумался. Конечно, напасть на них на лесной дороге сразу после освобождения – верная смерть. Но если они ищут меня в лесу, другое дело.

Я развернулся и, ступая с пятки на носок, пошел обратно, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Через минут пять я услышал голоса моих «друзей». Как я и предполагал, мои «таксисты» разделились и прочесывали лес, как немцы в старых фильмах про войну. Только у них вместо роты автоматчиков пятеро городских пижонов, так что повеселимся.

Судя по матерной переключке, которую вели гопники, они разделились на три отряда. Пять на три не делится, так что обязательно должен быть отряд из одного. Я бы на их месте поставил бы его в середину. Но я никогда не оказался бы на месте дебилов, которые грабят с оружием в руках женщин и похищают людей – это раз, во-вторых, вряд ли кто-то из них обладает хоть малейшими навыками выживания в лесу.

Поэтому я выбрал все-таки крайнюю левую группу вопя-

щих и – особо не прячься – пошел на сближение, выбрал дерево с торчащим сучком, примерно на уровне человеческого роста, и присел неподалеку в кустах. Вскоре появились шарящие огоньки фонариков. Еще одна ошибка, свет их слепит, вне луча ничего не увидишь.

Пыхтящие преследователи не заставили себя ждать, крайняя левая группа состояла из двух человек: мой «давний дружок» с синяком и обрезом вот, а врал, что потерял, и его спутник в кепке, с пистолетом в одной руке и фонариком – в другой. Как только тип с пистолетом подошел ко мне достаточно близко, я одним прыжком покрыл расстояние между нами и врезал ему правой прямо в челюсть. Без вскрика гопник повалился на землю носом вперед. Второй от удивления и неожиданности только рот раскрыл. Его я несильно пнул кончиком ботинка в солнечное сплетение так, что он согнулся в три погибели и как рыба стал ловить ртом воздух, так и не издав ни звука, и выронил обрез. Я подобрал оружие, крепко взял бандита сзади за шею, заставил распрямиться и подвел его к дереву с сучком, удерживая его голову так, чтобы здоровый глаз был в считанных сантиметрах от острого обломка. На ухо прошептал:

– Пикнешь, толкну.

Бросил обрез на землю и обшарил карманы неудачливого грабителя, нашел немного денег, складной нож и моток скотча (очень кстати). Из леса донеслось:

– Кенга, Руся, фигли застыли, уйдет ведь!

Я снова шепотом:

– Ответь, что догонишь.

Кенга, а может, Руся, проявил творчество:

– Щас, поссу, и продолжим!

В лесу заржали:

– Насысь на ботинки, пешком пойдешь!

Ответа на подобную чушь не требовалось, так что я пнул Кенгу или Русю, мне все равно, под коленку и стукнул его лбом об ствол пониже сучка. Шея в моей руке обмякла, и я беззвучно опустил тело на землю. Обшарил второго подонка, стал чуть богаче: немного денег, охотничий нож в ножнах, травматический пистолет переключали в карманы моей куртки. Связав обоим руки их же брючными ремнями – скотчем слишком громко бы получилось, – я поспешил за пятнами света, небыстро удалявшимися от меня в лесную чащу.

Третьего барбоса я догнал через минуту, ударил его прикладом обреза сзади по темечку, тут и кепка не помогла, грохнулся в кусты с треском и замер без движения, но привлеченный шумом четвертый обернулся и увидел меня. Хлопнул выстрел, но сгоряча и не целясь попасть трудно, и я, не дожидаясь, пока он прицелится и выстрелит во второй раз, бросил обрез ему прямо в голову, одновременно метнувшись ему в ноги. Мы покатались по влажной земле, молотья друг друга руками и ногами. Выстрелов больше не было, видимо, при падении он потерял пистолет. Борясь со мной,

четвертый вопил во все горло, звал на помощь и матерился. На какой-то миг ему удалось подмять меня под себя, и он сверху стал наносить удары сцепленными в замок руками мне в лицо, я левой рукой закрыл лицо и аж зашипел от боли – этот гоблин попал прямо по ссадине от наручников, второй рукой подхватил его за колено, выдержал еще удар – и резко дернул его за ногу, одновременно повернул корпус и толкнул его предплечьем в сцепленные в замок руки. В результате мы поменялись местами, и я ударил противника в горло, орать он перестал, но попытался ткнуть меня пальцами в глаза, я увернулся и боднул его головой в нос, он обмяк, и я добавил ему кулаком в челюсть и локтем в солнечное сплетение, чтобы наверняка. Гопник замер, руки безвольно упали вдоль тела.

Я прислушался: вокруг была полная тишина, где-то вспорхнула напуганная возней птаха, и все. Видимо, пятый остался в машине или притаился где-то поблизости. Я уже не скрываясь, быстро спеленал обоих, валявшихся без сознания «таксистов», обшарил их карманы, пошарил по земле, поднял два фонарика и пистолет последнего единоборца. Добыча небогатая, но есть снова немного денег, два складных ножа и два пистолета. Один травматический, один настоящий, старый добрый «макаров». Настоящий пистолет как раз был у последнего, четвертого, гопника, так что свечку надо в церкви поставить, что промахнулся он, когда стрелял. Этких двоих, спеленатых скотчем, я посадил возле большой

березы, вернулся к Кенге и Русе. Те валялись со связанными руками, признаков жизни не подавали. Я обмотал им ноги и залепил рты скотчем, проверил пульс: живы гаденыши, бьются их черные сердца, хоть и неровно, но гоняют поганую кровь. Теперь с авто разобраться надо. Фонарики, обрез, ножи и пистолеты я сложил недалеко от незадачливых похитителей, нечего лишнюю тяжесть с собой таскать. Себе оставил один фонарик, но зажигать его не стал, охотничий нож приладил на ремень, положил «макаров» в карман куртки и направился в сторону проселочной дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.